

Приключения поручика Ордынцева

Наталья Александрова

Волчья сотня

«Автор»

2001

Александрова Н. Н.

Волчья сотня / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2001 — (Приключения поручика Ордынцева)

Осень 1919 года. Добровольческая армия победоносно движется на Москву, но неожиданно в борьбу белых и красных вмешивается третья сила – вольница батьки Махно. Кавалерийский отряд генерала Дзгоева из-за предательства попадает в ловушку. В живых остаются только пять офицеров... Кто же из них предатель? Полковник Горецкий поручает Борису Ордынцеву выяснить это. Если бы Борис знал, какой ценой он выполнит это задание!

© Александрова Н. Н., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	19
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Александрова

Волчья сотня

*Памяти генералов А.И. Деникина и
Я.А. Слащева, поручиков Сергея
Мамонтова и Павла Макарова,
сестры милосердия Софьи
Федорченко и многих других
известных и безымянных участников
и свидетелей описываемых событий,
без чьих бесценных воспоминаний
эта книга не могла бы появиться.*

Глава первая

– Батарея, рысью, вперед! – передали по колонне приказ генерала.

Вторая конно-горная вышла из колонны и ровной рысью двинулась к гребню холма, где на фоне медленно светлеющего рассветного неба вырисовывался силуэт генерала Дзгоева с биноклем в единственной руке и рядом с ним – небольшая группа конных.

Командир батареи полковник Азаров рапортовал генералу и замер в ожидании приказа, удерживая на месте своего норовистого игрневого жеребца.

– Взгляните, полковник. – Дзгоев протянул Азарову бинокль.

Внизу, верстах в четырех, располагалась занятая махновцами станция Тесовая. На путях скопилось множество составов, стоял под парами бронепоезд. Возле станции, несмотря на ранний час, было оживленно, двигались многочисленные телеги и подводы. Сустились черные точки людей.

– Внезапность решает все, – хрипло проговорил Дзгоев, – скрытно выведите батарею на позицию в ложбине в версте от станции, дадите несколько хороших залпов шрапнелью, начнется паника, и я поведу на станцию лаву. Они не успеют опомниться. Обстреляв станцию шрапнельями, попробуйте подавить бронепоезд. Обстрел начнете через час. Сверим часы.

Дзгоев забрал бинокль и повернулся к кавалерийским начальникам, чтобы дать им распоряжения. Азаров легонько тронул удила, и его игрневый Ахилл, скосив на однорукого генерала умный выпуклый глаз, в два скачка донес седока до батареи.

– Батарея, шагом, в поводу, вперед!

Добровольческая армия победоносно продвигалась на север. До Москвы оставалось триста верст – «двенадцать корниловских переходов», как сказал в обращении к солдатам Антон Иванович Деникин. Ранняя осень девятнадцатого года была порой его наибольших успехов, и он еще не чувствовал, что в ходе войны намечается перелом.

И в это время вырвавшийся из окружения Махно совершил стремительный рейд по тылам деникинских войск, разгромил артиллерийские склады, перерезал железные дороги, дезорганизовал тылы Белой армии, нарушив снабжение войск.

Против махновцев бросили сводный кавалерийский отряд под командованием генерала Дзгоева, сняв с направления главного удара четыре эскадрона регулярной кавалерии и несколько сотен кубанских казаков – всего до полутора тысяч сабель. Отряду придали вторую батарею конно-горной артиллерии полковника Азарова – у махновцев артиллерии почти не было, поэтому хороший залп шрапнели или картечи мог решить исход сражения.

Отряд вторую неделю шел по следам махновцев, и следы эти были страшны: разграбленные местечки и железнодорожные станции, изуродованные трупы офицеров.

Отряд Дзгоева шел скрытно и быстро, используя для переходов овраги и лощины, рассылая для разведки казачьи разъезды, выставляя боевые охранения, и наконец на рассвете холодного сентябрьского дня возле станции Тесовой настиг махновцев.

Полковник Азаров привел батарею в указанное Дзгоевым место. До начала артподготовки оставалось двадцать минут.

– Батарея, с передков! К бою! – скомандовал полковник вполголоса – близость махновцев действовала на нервы, принуждала к соблюдению тишины и скрытности.

И тут не успели артиллеристы снять орудия с передков, начался ад.

Два шестидюймовых орудия махновского бронепоезда начали раз за разом обстреливать позицию батареи гранатами. Попадания были прямые, такое впечатление, что артиллеристы бронепоезда заранее пристрелялись к ложбинке. Азаров метался от орудия к орудия, пытаясь собрать оставшихся людей и лошадей и вывести батарею из-под обстрела, но почти все солдаты были или убиты, или ранены. Азарову показалось, что только сам он и его игреневый Ахилл чудом уцелели в этой мясорубке, но потом он увидел, что целы поручик Мясоедов и несколько солдат – ездые первого орудия Шакалов и Хомченко, старый фейерверкер Ступин и еще двое. Они пытались вытащить пушки из-под огня, но не было лошадей – все либо убиты, либо разбежались. Навстречу командиру батареи шел с круглыми от ужаса глазами молодой солдат Трофимов. Азаров крикнул на него, чтобы вывести из паники, заставить работать с остальными уцелевшими, но вдруг увидел, что у Трофимова оторвана по плечо рука и он жив еще и продолжает идти только в состоянии шока.

Стрельба прекратилась, но батарея уже перестала существовать.

Азаров огляделся в наступившей тишине. Конники, выстроенные в две колонны в ожидании сигнала к атаке, сбили ряды: обстрел батареи скверно на них подействовал. Дзгоев, как всегда решительный, выскочил вперед на огромном вороном жеребце и с растяжкой, давая лошадям время исполнить команду, проорал:

– Ша-ашки наголо! Ры-ысю... Ма-арш!

Кубанцы в косматых папахх пригнулись к лошадиным шеям, драгуны и гусары откинулись в седлах, колонны пришли в порядок и хлынули вперед, по знаку командиров перестраиваясь в лаву. Впереди мчался генерал Дзгоев, взяв повод в зубы и выхватив единственной левой рукой тяжелую казацкую шашку.

Лава перевалила небольшой холм, отделявший ее от махновцев, и тут же с нескольких позиций забили по ней пулеметы. Установленные на тачанках, они били по кавалерии в лоб и с флангов, выкашивая ее, как выкашивает утреннюю росистую траву звонкая коса опытного косаря.

Захваченные безумием атаки всадники продолжали мчаться вперед, но ряды их становились все реже и реже. Казаки опомнились первыми и повернули коней, но в это время бронепоезд выдохнул по задним рядам конников картечью, вырывая каждым залпом грозди коней и всадников, усугубляя и без того полное безумие разгрома.

Дзгоев, все еще скакавший вперед, покачнувшись вдруг и свесился с коня набок, уцепившись ногами за стремя. К нему тут же подскочил рослый кудрявый изюмский гусар в яркой картинной форме с серьгой в ухе, подхватил раненого генерала под мышки и уложил перед собой поперек коня. Остатки разгромленной кавалерии ударили за холм.

Азаров огляделся. Спасти пушки не было никакой возможности. От батареи осталось, считая его, пять человек, он – один офицер, так как поручика Мясоедова в последнюю минуту зацепило шрапнелью. Неподалеку на зарядном ящике сидел еще заряжающий второго орудия,

но когда полковник подъехал к нему и тронул за плечо, солдат повалился набок и Азаров увидел страшную рану на затылке.

Остатки сводного отряда генерала Дзгоева собрались в перелеске верстах в трех от Тесовой. Преследования не было – махновцы, видимо, посчитали, что от отряда ничего не осталось. Впрочем, почти так и было. Из полуторатысячного кавалерийского отряда уцелели человек сорок – шесть офицеров, считая самого тяжело раненного Дзгоева, около двадцати казаков и десятка полтора драгун и гусаров.

Глава вторая

«Все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь...»

В. Ленин. Известия ЦК РКП(б), 1919

– Нуте-с, голубчик Борис Андреевич, позвольте поздравить вас с прибытием на место! – Полковник Горецкий налил в большую фарфоровую чашку заварки, затем кипятка из самовара и протянул Борису. На столе лежал пшеничный калач и стояла тарелка мелко наколотого сахара.

Борис молча принял из рук Горецкого чашку. Он был голоден и зол, время клонилось к вечеру, уж скоро начнет смеркаться. Они провели в дороге весь день, толком не ели и вот теперь вынуждены довольствоваться сухим калачом с чаем. Хотя сердиться было глупо, потому что он прекрасно знал принципы полковника Горецкого: как можно меньше появляться на людях. Полковник приехал в город Ценск по своим важным и таинственным делам, и для этих дел было необходимо, чтобы как можно меньше людей знало, кто он такой. Поэтому он не жил в гостинице, а снимал скромную квартирку на окраине города, не посещал театры и рестораны. Все это Борис понимал, потому что хоть и с недавнего времени, но состоял при полковнике офицером для негласных особых поручений, но вот его желудок бурно протестовал.

Без стука, но деликатно отворилась дверь, и денщик Горецкого Саенко внес аппетитно пахнущие свертки.

– Поверьте мне, Борис Андреевич, что жизнь на окраине имеет свои преимущества, – посмеивался Аркадий Петрович Горецкий, нарезая холодную телятину. – И эти неудобные стены могут сослужить нам неплохую службу.

Действительно, квартира была неудобна. Дом, который выбрал Горецкий, был большой, но старый, стоял в разросшемся запущенном саду. Дом был одноэтажный и имел неправильную форму – буквой «Г». И вот в короткой половине буквы «Г» и поселились полковник, Борис и Саенко. Имелись там три довольно большие комнаты, но были они запущены, и мебель стояла до неприличия ветхая и разномастная. Саенко наскоро прибрался в комнатах, выбросил кое-какую хозяйскую рухлядь, но там, по выражению его, нужно было семь дней скрести и мести. Однако Горецкого привлекла квартира тем, что у половины дома был вход, отдельный от хозяев. Двери выходили в донельзя запущенный сад, и по дорожке, устланной ранними желтыми листьями и опавшими гнилыми яблоками, можно было пройти незаметно и выйти в маленькую калиточку, оказавшись в крошечном тупичке, где никто и не ходил. Это как нельзя лучше подходило к роду деятельности полковника Горецкого, то есть ничьи любопытные глаза не могли видеть, какие гости к нему ходят.

– Так что разрешите доложить, ваше сковородие... – почтительно начал Саенко.

По чину полагалось величать полковника вашим высокородием, и Саенко упорно так его и называл, но от скороговорки получалось не «высокородие», а «сковородие».

– Так что разрешите доложить: хозяева здешние готовить нам просятся. Но я, ваше сковородие, опасаюсь, потому как хозяйка уж очень грязная, неряха, в общем. А хозяин на вид такой вороватый, так и смотрит, что бы слямзить.

– А ты как определил? – удивился Горецкий.

– А очень просто: хозяин – поляк. А полячишки эти – народец вороватый, глаза так и бегают, подлый, в общем, народ... И я так считаю, что лучше у Пунса обеды брать, у них, я узнавал, обеды на дом дают.

Главный ресторан города принадлежал толстому усатому человеку со странной фамилией Пунс, кормили там и вправду отменно.

– Ладно, Саенко, делай как знаешь. – Горецкий рассеянно махнул рукой, сделавшись домашним уютным профессором, таким Борис помнил его с шестнадцатого года, когда в Петербургском университете профессор Горецкий читал на юридическом уголовное право.

Они не виделись без малого три года, и вот три месяца назад Борис встретил Горецкого в Феодосии, куда забросили его война и поиски сестры. Сестру в Крыму Борис не нашел, а нашел Горецкого, который сначала его вроде бы спас, потом послал на смерть, а потом, когда Борис вернулся и даже сумел выполнить задание, уговорил его работать у него, мотивируя это тем, что здесь, у Горецкого, Борис принесет неизмеримо больше пользы России, чем с винтовкой в окопе. Борис согласился, из Крыма они уехали в Ставку командования ВСЮР¹ – Екатеринодар. Там полковник Горецкий отчитался о выполнении миссии перед непосредственным своим руководителем – начальником Военного управления при Особом совещании генералом Лукомским и получил, надо полагать, новое задание. Для этой цели и приехали они в Ценск – довольно большой город на юге России, уже несколько недель занятый Добровольческой армией под командованием генерала Май-Маевского.

– Что ж, Борис Андреевич... – сказал Горецкий, отодвигая чашку.

Повинуясь движению его бровей, Саенко мигом улетучился из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

– У меня здесь много инспекционных дел, а также одно весьма важное и деликатное поручение. Две недели назад махновцы полностью разбили сводный отряд генерала Дзгоева. Сам генерал тяжело ранен, лежит в госпитале. Но из допросов оставшихся немногочисленных офицеров и казаков складывается картина грандиозного предательства. Отряд успешно преследовал противника, тот не догадывался о его существовании, иначе принял бы бой раньше. О том, чтобы дать бой у станции Тесовой, генерал решил на рассвете. Собрал офицеров, отдал приказы. И вот в течение часа махновцам оказались известны планы отряда и их позиции. Они заранее выставили пулеметы и начали артиллерийский обстрел минута в минуту – когда конногорная батарея уже была на позиции, но еще не была готова к бою. Но сейчас уже поздно, – спохватился Горецкий, – мы с вами устали, да и подробности этого дела будут мне ясны только завтра. У меня с утра встреча с начальником здешней контрразведки, а вы, голубчик, погуляйте по городу, осмотритесь, вам в контрразведке пока мелькать незачем.

Насчет контрразведки Борис был полностью с полковником согласен. И если предстоит ему потом расспрашивать людей, то, зная, что он имеет отношение к контрразведке, вряд ли ему что-то расскажут.

– Саенко! – крикнул Аркадий Петрович. – Давай-ка стели, брат.

– Было бы чего стелить, – ворчал Саенко, перетряхивая вещи. – У хозяев ни матрасов приличных, ни простыней чистых не найти. Ох, и подлый же народ поляки!

– Хоть вы и не любите контрразведку, – усмехаясь начал Горецкий, намекая на то, что их встреча три месяца назад произошла именно в контрразведке на допросе, куда попал Борис безвинно, по навету, – но не могу не признать, что в данном деле действовали они оперативно и, можно сказать, что и умно.

Они сидели в той же комнате, но хозяйственный Саенко умудрился придать ей за день обжитой вид. Он откопал в кладовке диван с протертой до дыр обивкой и застелил его реквизированной у хозяйки красной плюшевой портьерой. Клопы по причине долгого неиспользования дивана ушли из него в другую мебель, так по крайней мере утверждал Саенко. После долгой ругани нашли у хозяев и чистые занавески, и даже настольная лампа. Пока Борис

¹ Вооруженные силы Юга России – общее название подчиненных Деникину военных формирований.

прогуливался по городу, а Горецкий находился в контрразведке, Саенко привел откуда-то двух разбитных бабенок, которые вымыли окна и полы, а также обмели многолетнюю паутину на потолке, отчего, надо сказать, еще сильнее стали заметны грязные потеки на обоях и потерянная мебель. Но в целом жить стало можно, как удовлетворенно констатировал Саенко, когда выпроваживал теток, которым уж очень хотелось посмотреть на господ офицеров. Обед неутомимый Саенко принес в судках от Пунса, тот и вправду был неплох.

– Так вот, Борис Андреевич, стало быть, осталось в живых после рейда всего шесть офицеров. Генерал Дзгоев, как я уже говорил, тяжело ранен, находится без сознания, поэтому его не допрашивали и мне поговорить с ним нельзя.

– Неужели вы самого генерала подозреваете? – изумился Борис. – Герой, однорукий командует отрядом, солдаты, говорят, его боготворят...

– Я, дорогой мой, должен подозревать всех, – жестко сказал Горецкий, – если я хочу выявить предателя. А то получается: этот – герой, как его заподозрить; с этим в юнкерском училище учился; с этим воевал, спали под одним одеялом, тоже не представить, как он мог предателем стать; а этот – вообще мне родственник, хоть и дальний.

В голосе полковника проскользнули металлические нотки, и сам он из уютного профессора вдруг превратился в жесткого, решительного офицера. Горецкий встал, пенсне упало с носа и повисло на шнурке. Борис в который раз подивился, что лицо его без пенсне приобрело чеканность профилей на римских монетах.

– А как вы узнали, что я тут знакомого встретил, почти родственника? – спросил он, чтобы разрядить атмосферу.

– Я и не знал, – ответил Горецкий обычным голосом. – А что – и вправду родственник?

– Да нет, брата моего двоюродного приятель, штабс-капитан Петр Алымов, он в том рейде не участвовал...

«И слава Богу», – добавил про себя Борис, ему совершенно не улыбалось подозревать старинного приятеля своего брата Юрия.

– Это хорошо, что у вас здесь есть друг-офицер, – оживился Горецкий, – он сможет ввести вас в здешнее общество. А это придется сделать, и как можно быстрее. Вам следует подружиться со всеми пятью офицерами, то есть теми, кто остался в живых после неудачного рейда. Единственное, что мы можем утверждать с уверенностью, – это что один из них предатель.

– Значит, генерала Дзгоева все же вычеркнули из списка? – осведомился Борис.

– Да, но не потому что он герой-генерал, а потому, что он был все время на виду, с тех пор как он отдал приказы и до начала боя, при нем неотлучно находились вестовой, ординарец и знаменосец, а также другие люди.

Горецкий потряс в воздухе пачкой листов.

– Вот материалы допросов. Я с ними ознакомился и теперь введу вас в курс дела для быстроты. Итак, в живых остались по старшинству званий: полковник Азаров, командир конногорной батареи, про его заслуги и заслуги других я говорить не буду, чтобы у вас не создалось предвзятости; далее ротмистр Мальцев, есаул Бережной – этот из казаков, как вы понимаете, дальше штабс-капитан Коновалов и поручик Осоргин. Все они в принципе могли после получения приказа и разъяснения генералом Дзгоевым задачи улучшить момент для передачи сообщения махновцам. Исключение составляет штабс-капитан Коновалов, потому что все четверо оставшихся офицеров совершенно одинаково сообщили, где он находился все время до начала обстрела махновцев.

– И отчего же именно его все запомнили?

– Это как раз просто. – Горецкий откинулся на спинку кресла и опять приобрел совершенно профессорский вид.

Борис неоднократно задавал себе вопрос: какой же Горецкий настоящий – тот, стоящий на кафедре перед студентами, или нынешний, в форме полковника с жестким, чеканным профилем?

– Это как раз просто. Мы с вами, голубчик, не кавалеристы, и нам не ясны некоторые особенности их видения... Когда кавалерист видит издали знакомого всадника, он узнает его не по лицу или по фигуре, не по одежде даже – форма у всех одинаковая. А лицо в предрассветных сумерках было не разглядеть. А узнает он знакомого по лошади. Лошади у всех разные – масть, сложение. Так вот и у штабс-капитана Коновалова очень необычный конь – вороной, с белым чепраком, то есть с большим белым пятном на спине, там, где расположено седло. Этот жеребец очень хорошо заметен издали, поэтому все офицеры, казаки и солдаты видели штабс-капитана Коновалова, он единственный, кто не попадает под подозрение...

– Но кто-то ведь мог Коновалова заменить, он мог поменяться с кем-нибудь лошадыми?

– Коновод Пряхин утверждает, что это исключено. Он жеребца этого по кличке Буян очень хорошо знал по долгу службы, так сказать. Так вот жеребец свирепый, нрава буйного и подпускал к себе он только его, Пряхина, поскольку тот его чистил и кормил, и штабс-капитана Коновалова, да и тот очень много сил потратил на то, чтобы его объездить. А с другими он просто зверь, норовит с седла сбросить, в прыжке закидывается, самого Коновалова так в колено укусил, что тот неделю хромал.

– Значит, коновод тоже выжил?

– Да, он легко ранен, сейчас находится в госпитале. Но разумеется, нужно будет его подробнее допросить, как только он выпишется.

– Тогда следующий вопрос: каким образом могли эти офицеры передать сообщение махновцам? Насколько я понял, – Борис пошуршал листками, – отряд остановился в четырех верстах от станции, вокруг никаких населенных пунктов, кто-то должен был ждать его неподалеку...

– Верно, там рядом как раз находился домик путевого обходчика Еремеева. Его, конечно, обыскивали, но после боя, сами понимаете, выяснить ничего не удалось – сами еле ноги унесли. Заходили казаки к обходчику за водой, да того и след простыл. Вот и понимай: либо он еще раньше сбежал, чтобы махновцев предупредить, то есть в стоворе был с ними и предателем, либо просто испугался такой бойни и в лесу спрятался. Теперь не пойдешь, не спросишь... далеко это. Значит, Борис Андреевич, мы вот как сделаем, – Горецкий собрал листки в стопку и встал из-за стола, – я тут подумаю, разработаю план, как этих пятерых офицеров проверить.

– Все-таки пятерых? И Коновалова тоже подозреваете, несмотря на приметного жеребца?

– Порядок есть порядок, – твердо ответил полковник. – А вы постарайтесь с ними познакомиться поближе, авось кто-нибудь из них проговорится, узнаете что-то важное. Что хмуритесь? Не нравится такое поручение? Выспрашивать, вынюхивать, подозревать честных людей, боевых офицеров.

Борис рассердился, потому что Горецкий точно прочитал его мысли.

– Вы правы: предатель – один, а подозревать приходится всех. Но я так понимаю, что выбора у меня нет.

– Именно, на нашей с вами службе не выбирают. И пусть вас поддерживает мысль о загубленных полутора тысячах жизней. Кстати, почему ваш знакомый, Алымов, вы говорили, не попал в этот рейд?

– Он заболел, накануне простудился, открылась рана, которую он еще в семнадцатом в Петрограде получил. Я эту историю помню, – помрачнел Борис, – в октябре семнадцатого они с братом Юрием решили дать отпор красным. Я хотел с ними, но они отмахнулись – сказали, что я штатский, пользы от меня все равно не будет. У нас тогда болела Варя, сестренка, тяжелейшее воспаление легких, думали, что не выживет. Мать сбилась с ног, а по городу матросы с «маузерами» и всякая сволочь... Я остался, а они с братом ушли. Пошли в Константиновское

артиллерийское училище, они его перед войной закончили. Пока учились, их так и звали – «констапулы». И еще «траур по пехоте», потому что на погонах у юнкеров красивый черный кант был. Так вот, пошли они в училище, а там юнкера, офицеры – всего человек шестьсот. Поговорили и пошли воевать, оружие при всех было – многие с фронта вернулись. А дальше, брат рассказывал, полный кошмар был. Не поймешь, где белые, где красные, в городе чуть не двадцать фронтов было. Алымова ранили в ногу, колено раздробили. Брат его на себе тащит, тут – солдаты, хорошо, успели они погоны оторвать да оружие выбросить. Брат говорит – счастливый случай, знакомого солдата он встретил. Хороший человек оказался, честно при всех сказал, что плохого от моего брата на фронте не видел, помог Алымова до больницы довести. Доктор посмотрел на ногу и ахнул, удивился, что Алымов еще идти мог. А тут матросы нагрянули. С этими лучше офицеру не встречаться, раненный, не раненный – у них один разговор – в расход. Вынесли брат с доктором Петра в последний момент через черный ход, положили в машину с красным крестом – и к алымовской тетке, она еще в четырнадцатом году на свои деньги лазарет открыла на Гороховой. Там колено ему по кусочкам сложили, но часто болит, переохладать нельзя. А брат Юрий погиб в восемнадцатом на Украине.

– Мда-а, значит, всего шестьсот человек Петроград от большевиков решили оборонять? – зловеще, как показалось Борису, спросил Горецкий.

– Это брат с Алымовым столько видели, на самом деле больше, – неохотно ответил Борис.

– Вот так так, Борис Андреевич, что же удивляться, что красные так быстро взяли власть в свои руки? Когда никто ее и не защищал.

– Но зато потом, Добровольческая армия тому примером...

– Чему примером? – горько вздохнул Аркадий Петрович. – Нас мало, нас ничтожно мало...

– И это вы говорите сейчас, когда на фронте такие успехи? – поразился Борис. – Триста верст до Москвы? Армия заняла весь юг России. Конный корпус взял Полтаву и Харьков. На правом фланге пехота заняла Курск и Орел, на левом – Киев, Житомир и Одессу. Генерал Врангель с Кубанской армией захватил Царицын и Камышин. Донцы взяли Воронеж, и генерал Мамонтов успешно продвигается по тылам в районе Тамбова. И вы продолжаете утверждать, что этого мало?

– Нас может погубить всеобщая нерешительность. – Горецкий махнул рукой и отвернулся, и Борис осекся, потому что понял, что раз полковник Горецкий так говорит, значит, у него есть информация, какую не имеют не только обычные люди, но и офицеры Добровольческой армии.

Они встретились с Алымовым под вечер и не спеша пошли по главной улице Ценска. Мягкая южная осень позолотила деревья, воздух был свеж, пахло яблоками. Борис искоса поглядывал на своего спутника. Петр Алымов был худ, достаточно высок, как и сам Борис, лицом очень бледен. При ходьбе он слегка прихрамывал, поэтому опирался на трость. Ездить на лошади хромота ему не мешала. Они не виделись больше двух лет, за это время Алымов не то чтобы постарел, но очень изменился. Его беспокоила рана, но дело было не в этом. В глазах его была многодневная усталость и бесконечное презрение к жизни. Борис пришел к выводу, что если бы не это выражение в глазах, Алымов был бы красив несколько болезненной красотой. Однако местным дамам ничуть это не мешало, они поглядывали на двух молодых людей весьма приветливо. Алымов приветствовал встречных дам внешне вежливо, прикасаясь рукой к фуражке и улыбаясь одними губами.

У Пунса Борис окинул взглядом зал. Общество веселилось вовсю. На сцене человек в белом костюме, поглядывая на дам бархатно-черными глазами, страстным голосом пел романс. Из угла слышался хохот.

– Нам туда, – потянул его за рукав Алымов и еле уловимо дернул губами, но Борис успел разглядеть в этом движении оттенок брезгливости. – Господа офицеры нынче вон там гуляют.

Действительно, господа офицеры нынче гуляли вовсю, как, впрочем, и все остальные дни.

– Алымов, друг! – пьяно заорал Бережной и раскрыл руки для объятий. – Кого это ты притащил?

– Разрешите представить, господа: поручик Ордынцев Борис Андреевич, моего погибшего друга двоюродный брат. В Ценске недавно, прибыл по делу. А это ротмистр Мальцев...

– Да мы знакомы, – улыбнулся Мальцев и подвинулся, освобождая место возле себя.

– Есаул Бережной и поручик Осоргин.

Поручик окинул Бориса мутным взглядом очень светлых глаз и ничего не сказал.

С вновь прибывшими снова выпили за здоровье главнокомандующего Антона Ивановича Деникина, причем Алымов, как заметил Борис, опять поморщился украдкой и только пригубил.

«Как удачно все складывается, – думал Борис, рассеянно скользя взглядом по залу ресторана, – в нашей компании пять человек, из них трое – мои подозреваемые. Чисто психологически кого можно подозревать из троих: Бережного, Осоргина или Мальцева? Все трое – боевые офицеры, служат еще с мировой...»

– Пор-ручик! – Осоргин смотрел на Бориса с мутной злобой в глазах. – Что это вы все отворачиваетесь? Противно с нами компанию водить?

– Я на дам загляделся, – улыбнулся Борис, – дамы уж больно в Ценске хороши.

Действительно, с дамами в городе было все в порядке. Дам в ресторане было много, молодых и постарше, богато одетых, благородных и не очень. Блестели глаза, искрились бриллианты, мелькали голые руки и плечи, слышался женский смех.

Почувствовав взгляд Бориса, подлетел к их столику разбитной плюгавенький типчик в потертом фраке.

– Не желают ли господа офицеры к своему столику дам пригласить? Могу рекомендовать вон тех двоих. – Он указал куда-то вбок, где из раскрытой двери заглядывали в зал две девушки.

Одна брюнетка, выглядевшая постарше, близоруко шурясь, осматривала зал, вторая, светленькая, на ее фоне казалась совсем девочкой. Борис вздрогнул от того, как младшая повернула голову. Но нет, опять ему почудилось. В каждой худенькой миниатюрной блондинке видится ему сестра Варя, пропавшая бесследно в этой мясорубке, именуемой революцией. «Варька, Варька, где же ты, маленькая сестренка, жива ли еще?»

– Так не желают ли господа офицеры девочек? – фамильярно осклабился тип во фраке.

– Господа офицеры желают, что бы ты, хамская морда, убирался подальше, – процедил Алымов сквозь зубы.

– Родной мой, – пьяно добавил Бережной, – если нам шлюхи понадобятся, мы в бордель пойдем. А здесь мы... отдыхаем. – Он икнул и рассмеялся.

– Все в обществе перемешалось, – поддакнул ротмистр Мальцев, собирая добродушные морщинки вокруг глаз, – вон, видите, Борис Андреевич, княгиня Задунайская сидит?

Борис кивнул, рассматривая шикарное бриллиантовое кольцо на морщинистой шее старухи.

– Благороднейшего происхождения женщина. Так разве раньше в Петербурге или в Москве зашла бы она в такой ресторан, куда шлюх пускают? Опростились все, манер у людей поубавилось.

– Это не самое страшное, – процедил Алымов.

– Верно, – согласился Мальцев, – выпьем, господа, за Россию, чтобы выйти ей из всех несчастий обновленной!

Все молча выпили, только Алымов опять пригубил и поставил рюмку.

– Почему это как соберется компания, так сразу начинают за многострадальную Россию пить, – проговорил он как бы про себя, но за столом установилась тишина, и все услышали сказанное.

– Н-да-с, – искусственно оживился Мальцев, – а позвольте полюбопытствовать, господин поручик, откуда изволили прибыть в Ценск?

– Из Екатеринодара, – ответил Борис.

– Их благородие, видите ли, состоят офицером для особых поручений при полковнике Горецком, – усмехнувшись, произнес Алымов. – Это такой полковник, про которого никто ничего не знает, – пояснил он Мальцеву. – Чем он конкретно занимается, никому не известно, а только ездит то в ставку, то обратно.

– Правильно его деятельность охарактеризовали! – рассмеялся Борис, а сам смотрел, не появится ли интерес во взглядах сидящих напротив людей.

Про полковника Горецкого ходили слухи, что он человек могущественный и обладающий большой властью. Непонятно, каким образом эти слухи распространялись, твердо все сходилось в одном: Горецкий много знает. Если рассуждать логически, то предатель должен использовать удобный случай, чтобы завязать тесную дружбу с Борисом. Но как показали последние события, предатель – человек неглупый, так что вряд ли он будет действовать так примитивно.

Страстный исполнитель романсов наконец удалился, и на сцену выпорхнула стайка девиц в соблазнительном неглиже. Одна вышла вперед и запела что-то фrivольное.

Есаул Бережной оживился и попытался даже подпевать, причем, на удивление всем, не фальшивил. Вообще он был хорош этакой картинной красотой – с горящими глазами, с пышной шапкой темных волос, с золотой серьгой в ухе... И хоть он был сильно пьян, но смотреть на него было не противно – просто весел человек, отдыхает после похода. Под песенку выпили еще, потом заказали три бутылки шампанского, хотя Мальцев и отговаривал, мотивируя тем, что шампанское в этом кабаке плохое.

Борис осторожно присматривался к сидящим с ним за одним столом и вдруг столкнулся взглядом с поручиком Осоргиным.

– Ор-р-дынцев! – крикнул тот. – Что это вы все вынюхиваете, зачем вы вообще сюда приехали?

Глаза его были совсем белыми от бешенства и полными мутной ненависти.

– Митенька, опомнись, – неторопливо зарокотал Мальцев, – тут все свои. Никто ничего не вынюхивает. Говорил же ведь я, что не надо шампанского.

Осоргин отвел бешеный взгляд.

– Прошу вас, не обращайтесь внимания, – шептал Мальцев на ухо Борису. – Очень он нервный, просто болезненно. Да ведь и понять его можно: жена без вести пропала под Курском, отца с матерью в Москве красные расстреляли. Его самого два раза расстреливали. Один раз – красные, а второй – махновцы. Очень он озлобленный, а пьяный вообще нехорош, агрессивный страшно. Но в бою нет ему равных, в кавалерийской атаке рубака отменнейший... Митенька, может, домой пойдем? – ласково обратился он к Осоргину.

Борис собирался уже откланяться, как вдруг заметил в дальнем конце зала что-то неуловимо знакомое. Он передвинул ведро с бутылкой шампанского, пригнулся и цепким взглядом еще раз оглядел зал. Ничего необычного на первый взгляд не было заметно. Тех двух девушек наглый тип во фраке посадил все же в компанию офицеров в другом углу зала. Там же за соседним столиком спиной к залу сидела женщина. Небольшая головка на длинной шее, царственная осанка, спина прямая, безупречно вылепленные плечи... Вот дама повернула голову

с высоко забранными в прическу темно-русыми волосами, наклонилась к своему спутнику... Определенно, Борис видел раньше эту женщину, но вот где...

Она сидела за одним столиком с княгиней Задунайской. Было там двое мужчин: один – полковник с прекрасной выправкой и седыми висками, другой – тучный господин из штатских. Он все время что-то жевал.

– Э, голубчик, вижу, куда вы смотрите, – рассмеялся вдруг Мальцев.

Опять добродушные морщинки собрались вокруг глаз, а глаза сами смотрят серьезно, абсолютно трезво...

«Черт знает что такое! – возмутился про себя Борис. – Как противно сидеть с ними за одним столом и всех подозревать. Нет, не гожусь я в филеры...»

– Позвольте совет дать, – продолжал Мальцев, наклоняясь к Борису, – и не глядите в ту сторону. Дама, разумеется, хороша, выше всяческих похвал, но, как говорится, не про вашу честь, уж не сердитесь на старого солдата, что думаю, то и говорю. Ухаживает за ней полковник Азаров, уже несколько недель, если можно так выразиться, эту крепость осаждает. Победы не добился, но всех поклонников у красавицы отвадил. Но надо сказать, она женщина серьезная, строгих правил, возможно, за это его и к себе приблизила, чтобы господ офицеров в повиновении держал. А то наш брат больше к лошадям привык, галантное обращение забыл, а тут такая женщина, аристократка...

– Слушай, слушай его, Борис, – невесело проговорил Алымов, – у ротмистра, видишь ли, репутация всеобщего миротворца, всем он советует, всех поучает.

– Нехорошо, Петр, на скандал нарываться, – с мягкой укоризной проговорил Мальцев, – хватит заботы и с ним. – Он легко кивнул в сторону Осоргина. – А впрочем, господа, не пора ли и по домам, а то невеселая у нас компания сегодня получается. Может, и вправду нужно было девочек пригласить?

Борис напряженно раздумывал. Стало быть, это и есть тот самый полковник Азаров, чью конно-горную батарею расколошматили махновцы, в то время как батарея не успела сделать еще ни одного выстрела. За столом Бориса сидели трое подозреваемых в предательстве офицеров, а в дальнем углу зала присутствовал четвертый.

Не было ничего удивительного в том, что Борис за один вечер встретил четверых из пяти нужных ему людей. В городе было не так много мест, где обитали господа офицеры, когда были на отдыхе: ресторан Пунса, варьете, офицерское собрание. Но полковник Горецкий, давая краткую характеристику каждому из пяти офицеров, сказал Борису, что четверо младших ведут обычную жизнь – развлекаются после рейда, ожидая нового назначения, а полковник Азаров держится особняком и в развлечениях особенного участия не принимает. Очевидно, Горецкий ошибся, потому что вот же он, полковник, собственной персоной, сидит за столиком и смотрит неотрывно на свою визави. Где же Борис ее видел? Нет, не узнать со спины.

– Однако, господин поручик, – смеясь, опять заговорил Мальцев, – я же вас предупреждал – не смотрите на даму эту, шансов никаких, полковник вокруг нее прямо фортификационные укрепления возвел.

– Да я и не на даму вовсе смотрю. Хотя не скрою, зрелище сие глаз радует. Как, говорите, княгиню эту зовут – Задунайская? Не Анна ли Евлампиевна?

– Как вам сказать, – растерялся даже Мальцев, – я, признаться, близко с ней незнаком, не имел чести быть представленным.

– Она это, – поддержал разговор очнувшийся от дум Алымов, – московская княгиня Анна Евлампиевна Задунайская.

– А ведь я ей вроде бы сродни, – неуверенно начал Борис, – ну да, мать рассказывала, какие-то они были дальние родственницы...

Он пригляделся: за столом княгини подали десерт. Следовало поторопиться, если Борис хотел быть представленным княгине и завязать знакомство с полковником Азаровым. Алымов перехватил его взгляд и поднялся:

– Идем, я тебя представлю княгине.

– А ты с ней откуда знаком?

– Знакомство у нас с ней еще до моего рождения началось, – усмехнулся Алымов, – ты забыл, что я до пятнадцати лет в Москве жил?

Борис припомнил, как брат Юрий когда-то рассказывал ему, что мать Алымова была из очень знатной семьи, но вышла замуж по любви за бедного офицера. Однако брак был счастливым, только после неожиданной смерти жены отец Алымова перессорился со всеми богатыми родственниками и увез сына в Петербург.

Они встали одновременно и двинулись через зал – оба высокие, подтянутые, в ладно пригнанной офицерской форме. Алымов более худой, темный волосом, но бледный. Глаза его чуть щурились, угол рта дергался презрительно.

«Экий Печорин нашелся!» – сказал бы про него Аркадий Петрович Горецкий.

Но Борис знал Алымова с детства и теперь видел, что, кроме болей в ноге, вернувшихся так некстати, Алымова точит еще внутренняя забота, которая сильнее, чем боль в раненом колене. Но сейчас было неподходящее время для расспросов.

Итак, они остановились перед столиком, где сидела княгиня Задунайская, – штабс-капитан Петр Алымов с интересной бледностью и поручик Борис Ордынцев – чуть шире в плечах, здоровее на вид, с приятной улыбкой и серо-стальным блеском в глазах.

– Ай да молодцы! – засмеялась княгиня. – Петя, друг мой, ты кого это нам привел?

– Позвольте представить вам, княгиня, старого моего петербургского друга Ордынцева Бориса Андреевича. Мы с ним два года не виделись, а здесь судьба вот снова свела.

Старуха взглянула на Бориса с веселым любопытством:

– Знала я в Петербурге одного Ордынцева. За него моя родственница замуж вышла. Как, говоришь, батюшка, отчество-то твое?

– Андреич, – улыбнулся Борис.

Несмотря на то что княгине, даже по мужским подсчетам, было явно за семьдесят и возраста своего она нисколько не скрывала, то есть не румянилась и не пудрила морщинистую шею, смотреть на нее было приятно. Очевидно, это проистекало от того, что главное выражение, которое постоянно присутствовало на лице ее, было выражение живейшего и добрейшего интереса ко всему, что она видит перед собой сейчас и готовность принять с таким же интересом все, что случится с ней в будущем. Такое выражение очень молодило старую княгиню.

– Андреич, – протянула она и наморщила лоб, вспоминая, – а тот как раз и был Андрей Никитич Ордынцев!

– Это мой отец. – Борис удивился такой хорошей памяти.

– Родной ты мой! – умилилась старуха. – Да я же тебя вот таким помню. А Шурочка жива ли?

– Мама умерла зимой восемнадцатого. Врач сказал – сердце, – глухо произнес Борис.

– Вот оно что! – посерьезнела княгиня. – Ну, земля ей пухом. Но помню я, что у нее, кроме тебя, еще дети были?

– Варя, сестра, но я не знаю, где она сейчас.

– Что ж, у всех горе, – философски заметила старуха. – А ты не теряй надежды-то. Возможно, найдется сестра. А вот познакомься-ка лучше с моими спутниками.

– Позвольте, Анна Евлампиевна, мне откланяться, – вступил Алымов.

– Иди-иди, товарищи ждут, – закивала она. – А тебя уж, Борис Андреич, я никак не отпущу. Будем сидеть и родственников перебирать да вспоминать, кто куда подевался. Вот,

господа, извольте любить и жаловать: родственник мой, Ордынцев. Это Сонечка, Софья Павловна, мой добрый ангел, скрашивает старухину жизнь...

Борис почтительно взял протянутую ему руку, и тут как будто током его ударило воспоминание. Он пристально взгляделся в сидящую напротив даму и вспомнил, точнее, не вспомнил, а узнал: нельзя было не узнать эти фиалковые глаза. Ну разумеется, это она, баронесса Штраум! Он расстался с ней всего полтора месяца назад в Феодосии. Вернее, она провела филеров и людей из контрразведки и сбежала у них из-под носа, в то время как остальных участников заговора удалось арестовать. Борис вспомнил, как он обрадовался, узнав о побеге баронессы, – красивым женщинам не место в контрразведке, даже если они преступницы. Он даже имел по этому поводу крупный разговор с Горецким.

Итак, перед ним сидела баронесса Штраум собственной персоной. Да полно, баронесса ли? Ничто, кроме замечательных фиалковых глаз, не напоминало в сидевшей перед ним женщине хозяйку известного в Феодосии салона любителей искусств баронессу Софи Штраум. Та, как и полагалось хозяйке салона, была чуть манерна, чуть томна, в меру богемна. То есть это было ее амплуа. На самом деле Борису удалось как-то увидеть ее подлинную натуру, и он убедился, что баронесса – человек умный, жесткий и решительный, что лишний раз подтверждает ее успешный побег из Феодосии.

Нынче же перед Борисом сидела красавица с безупречными манерами и со спокойным достоинством во взгляде. Волосы (темно-русые, а не пепельные, как в Феодосии) были забраны в гладкую высокую прическу. Немногочисленные драгоценности были подобраны с большим вкусом.

Борис очнулся и испугался, что слишком долго задерживает руку баронессы. Рука ее была ледяной, но взгляд фиалковых глаз безмятежен. Ни тени узнавания не мелькнуло в нем. Но Борис решил держать ухо востро.

– Что, батюшка, зацепило тебя? – от души веселилась княгиня. – Вон что красота-то с вашим братом делает.

Краем глаза Борис заметил, как стиснул зубы молчавший до того полковник Азаров.

– Позвольте, сударыня, выразить свое восхищение, – пробормотал Борис, – простите, не расслышал фамилию...

– Софья Павловна Вельяминова, – приятным контральто произнесла баронесса, то есть, как понял Борис, никакая теперь не баронесса.

Исчезли непонятный титул, раскованные манеры, даже голос изменился – теперь в нем не было слышно мурлыканья балованной кошечки. Кроме того, женщина, сидевшая перед ним, выглядела лет на шесть моложе, чем та, в Феодосии. Тем не менее Борис мог бы поклясться, что перед ним та самая женщина и что она тоже его узнала, но не стала признаваться, потому что ведет здесь свою собственную игру. Сейчас она наконец мягко отняла у него свою руку.

Полковник Азаров холодно кивнул Борису, а тучный господин, оказавшийся известным писателем, сотрудничающим в данное время в ОСВАГе,² пробормотал приветствие, не прекращая жевать, и продолжил свое увлекательное занятие.

Княгиня с неудовольствием посмотрела на сцену, где творилось уже нечто и вовсе несуразное – девицы плясали канкан, что очень одобряли подвыпившие господа офицеры, столпившиеся у сцены.

– Вот что, друзья мои, едемте сейчас ко мне! – распорядилась княгиня. – А то тут уж очень стало беспокойно. Там с тобой не спеша побеседуем, – обратилась она отдельно к Борису.

Тучный писатель вяло отказался, полковник, мрачно поглядывая на Бориса, пробормотал, что завтра рано утром надобно ему явиться в штаб за новым назначением.

² ОСВАГ – Осведомительное агентство – информационно-пропагандистское управление Белой армии.

– Иди, батюшка Вадим Александрович, за нас не беспокойся – Борис нас проводит, а там уж я за ним присмотрю, – лукаво засмеялась княгиня.

Полковник нежно шепнул что-то на ухо Софье Павловне. Потом перевел взгляд на Бориса. В глазах его читалась откровенная неприязнь.

– Экий, прости Господи, ревнивец! – вполголоса проворчала княгиня, глядя ему вслед.

Никто не ответил на ее реплику: писатель по-прежнему жевал, Софья Павловна молчала, скромно потупив глаза, а Борис отвернулся, наблюдая, как в противоположном конце зала поручик Осоргин, окончательно озверевший от выпитого, все порывается вскочить и выхватить револьвер. Ротмистр Мальцев хлопотал над ним, как нянька над капризным дитятей. У Алымова больше, чем всегда, подергивался уголок рта.

«Нервные какие стали господа офицеры», – подумал Борис.

Он устыдился было своего сарказма – отчего же и не быть офицерам нервными, ведь они недавно перенесли такой ужас, махновцы разбили их наголову, выжили единицы, полковник Азаров с большим трудом вывел остатки разгромленного отряда к своим. Вот еще забота: полковник Азаров, боевой офицер, замечательный командир – и совершенно потерял голову от любви к женщине, явно его недостойной. Но с другой стороны, о прошлом его возлюбленной знает лишь Борис, а на первый взгляд Софья Павловна производит весьма приятное впечатление.

За короткое время Борис познакомился с четырьмя из пяти подозреваемых офицеров, и его смущает некоторая нарочитость в их поведении. Азаров со своей любовью, поручик Осоргин, белеющий от злобы, у него явно не в порядке психика. И ротмистр Мальцев – этакий добродушный дядюшка, готовый обо всех печься и заботиться. И Антон Бережной, сама картинная внешность которого наводит на мысли о театре. Горящий взгляд, серьга в ухе, шашка, кубанка... Хоть сейчас портрет пиши.

Глава третья

«Ставится задача превратить Советскую республику в единый военный лагерь не на словах, а на деле, работу всех учреждений перестроить по-военному. При организации агитации и пропаганды разъяснять трудящимся, что Деникин, так же как и Колчак, является ставленником Антанты».

В. Ленин. Известия ЦК РКП(б), 1919

Княгиня Задунайская занимала весь верх большого каменного дома на главной улице города Ценска. Большой желтый, с белым, дом в стиле александровского ампира, с треугольным фронтоном в центре фасада напоминал какой-нибудь старинный особняк в центре Москвы, и было удивительно видеть его в захолустном Ценске. В помещениях, занимаемые княгиней, вела широкая мраморная лестница. В комнатах было просторно и натоплено, но воздух, несмотря на это, был свеж.

– Располагайся, Борис Андреевич, посиди со старухой. А ты, Сонечка?

– Я, Анна Евлампиевна, пойду к себе.

Борис вскочил, подбежал к молодой женщине и заглянул ей в глаза:

– Ах, прошу вас, Софья Павловна, не уходите! Вы так украшаете собой все вокруг!

Софья Павловна взглянула на него с удивлением.

– Посиди с нами, Сонюшка! – поддержала Бориса старая княгиня. – А то обожатель твой и двух слов с тобой сказать никому не дает.

Борис понесло. Он сыпал анекдотами, припоминал забавные случаи с петербургскими знакомыми, происшедшие с ними до семнадцатого года. Все, что случилось с людьми потом, никак нельзя было назвать забавным. Борис сел так, чтобы Софья Павловна не могла выскользнуть из комнаты незамеченной, и между делом прислушивался к происходящему на улице.

Дело в том, что еще в ресторане, когда княгиня торжественно усаживалась на извозчика, Борис успел передать через мальчишку записку для Саенко. В ней он писал, чтобы Саенко не мешкая направлялся к дому княгини и тихонько ждал там, наблюдая, не выйдет ли кто тайком. Если выйдет женщина, то Саенко следовало идти за ней и ни в коем случае не выпускать ее из виду, а иначе будут у них у всех большие неприятности. И вот наконец с улицы раздался знакомый резкий свист. Борис тешил себя надеждой, что никто, кроме него, не обратил на свист внимания.

Наконец княгиня зевнула и поднялась.

– Ладно, батюшка Борис Андреевич, повеселил ты нас. Завтра увидимся, а теперь пора на боковую.

Борис попрощался со старухой, потом заглянул в фиалковые глаза, надеясь найти там смятение, страх, злобу, наконец, но там было непроницаемо. Он сказал на прощание дежурный комплимент, его поблагодарили кивком.

Княгине прислуживали двое: горничная и лакей, он же кучер в одном лице. Эта пара была взята княгиней с собой из Москвы и очень ей предана. Лакей Федор проводил Бориса до выхода и, закрыв за ним, накинуд на дверь здоровый железный крюк.

У крыльца горел фонарь, так что Борис сразу сделал два шага влево, чтобы выйти из круга света. Кто-то дернул его за рукав в темноте.

– Саенко, ну как тут?

– Все тихо, ваше благородие, никто из дому не выходил. А кого ждем-то?

– Знакомую я, братец, встретил. Баронессу Штраум. Очень нужно мне с ней словечком перекинуться не при посторонних.

Борис мучительно думал, что сейчас может предпринять баронесса. Если бы он был на ее месте, он попытался бы сбежать. Но у Бориса к ней множество вопросов, да еще можно воспользоваться знакомством ее с полковником Азаровым и кое-что выяснить.

– Вон ее окна, – шептал Саенко, – как раз с краю.

В двух крайних окнах мерцал свет и двигался стройный силуэт.

– Что, так и будем всю ночь караулить? – бубнил Саенко. – А может, она никуда и не денется?

– Денется, Саенко, еще как денется. В Феодосии всех вокруг пальца обвела. Так, обратно меня ни за что не впустят. Она на людях со мной и знаться не желает, притворяется, что незнакома.

– А давайте я вас, ваше благородие, подсажу, – деловито предложил Саенко, которому хотелось спать. – Если вон за ту трубу зацепиться, а потом тем карнизом пройти, то аккуратно в ее окно попадете. А оно не притворено. Мужчина вы молодой, сильный, тихонечко пролезете и побеседуете. А я на всякий пожарный случай внизу постою. Уж если скандал выйдет, прыгайте прямо вниз, в клумбу, авось ничего себе не сломаете – этаж-то второй.

– Давай, Саенко, – решительно согласился Борис.

Дом стоял тихий и темный, только в двух крайних окнах слабо мерцал свет. Борис легко оттолкнулся от спины Саенко, левой рукой зацепился за трубу, она, как ни странно, выдержала, даже не скрипнула. Карниз тоже был крепок. Вот и окно. Чувствуя себя одновременно Дон Жуаном, д'Артаньяном и Дубровским, Борис слегка надавил на створки окна. Они поддались. Отогнув краешек занавески, он заглянул в комнату. В обозримом пространстве никого не было. Комната была очень уютна, на полу – ковер, на туалетном столике стояла свеча. Борис перекинул ногу через подоконник и по возможности мягко спрыгнул на персидский ковер.

– Сделайте два шага вперед и держите руки на виду! – послышался тихий, но твердый голос.

Софья Павловна вышла из алькова совершенно одетая. О серьезности ее намерений говорил направленный в грудь Борису маленький дамский «браунинг». Борис улыбнулся. Развел руки в стороны и сделал два небольших шага вперед.

– Только не уверяйте меня, что станете стрелять! – усмехнулся он.

– А почему вы думаете, что не стану?

– А потому что вы умная женщина и не хотите привлекать к своей особе лишнее внимание. Вы прекрасно знаете, что я залез к вам в окно совершенно не для того, чтобы вас обокрасть или, паче чаяния, еще как обидеть. И если бы вы сегодня вечером подали мне какой-нибудь знак, сами назначили встречу, то я никогда бы не осмелился...

И поскольку она молчала, Борис высказался более жестко:

– Слушайте, опустите же револьвер, предложите мне сесть и закурить. Давайте мы с вами, дорогая Софи, выкурим трубку мира и закопаем топор войны хотя бы на время.

Успокоенный ее молчанием, он сделал было шаг к маленькому диванчику.

– Стойте на месте! – прошипела она, и фиалковые глаза грозно блеснули.

– М-да, надеюсь, что вы умеете обращаться с этой игрушкой и не потеряете самообладания, – грустно промолвил Борис.

– Обращаться с ней я умею, – согласилась она, и на миг в ней проступили прежние черты баронессы Штраум.

– Я вам верю, – покладисто согласился Борис. – Но давайте представим себе, что будет, если вы воспользуетесь своим оружием. Допустим, вы стреляете и убиваете меня наповал. Шум, суeta, на выстрел сбегаются люди. Вы говорите, что в темноте приняли меня за грабителя и уложили одним выстрелом. Вызывают полицию, просят вас предъявить документы. И хоть я не сомневаюсь в том, что документы ваши в полном порядке, я, знаете ли, все-таки на службе. Начинается расследование, в дело вмешивается контрразведка. А надо вам сказать,

что в городе Ценске сейчас есть один человек, который очень хорошо помнит феодосийские события. Вы, конечно, прекрасно потрудились над своей внешностью, по приметам вас мало кто сможет опознать, но эти дивные фиалковые глазки... – Борис отметил про себя, в фигуре стоявшей перед ним женщины исчезло некоторое напряжение, и продолжал болтать: – Существует второй вариант. Вы стреляете, но мимо или прячете револьвер и начинаете визжать, а потом падаете в обморок. Опять-таки прибегают люди, лакей Федор выталкивает меня в шею либо же вызывает полицию. Назавтра княгиня откажет мне от дома, а ваш обожатель полковник Азаров вызовет меня на дуэль. В результате сплетни, шумиха, нездоровый ажиотаж. Вы этого хотите?

– Позвольте не сообщать вам, чего я хочу, – сухо произнесла Софья Павловна, – а лучше скажите, чего вы от меня хотите.

– Я уже сказал: уберите чертов «браунинг» и разрешите мне сесть.

– Хорошо. – Она кивнула в сторону маленького диванчика.

– Вот так-то лучше. И поверьте, дорогая баронесса, в мои планы не входит вас арестовывать. Во-первых, я не из того ведомства, во-вторых, события в Феодосии – дело прошлое, а контрразведку я сам не люблю. Поэтому, если вы мне поможете, окажете маленькую услугу, я сделаю вид, что мы никогда раньше не встречались.

Она молчала, напряженно о чем-то раздумывая.

– Да, думаю, если бы вы собирались меня арестовать, то не входили бы в комнату таким сложным способом.

– Умница, – улыбнулся Борис, – а теперь, дорогая баронесса, садитесь вот сюда, рядом со мной, и давайте тихонько кое-что обсудим.

– Не называйте меня баронессой, – нахмурилась она.

– В таком случае примите соболезнования – ваш муж барон...

– Ах, оставьте! – Она непритворно сердилась.

– А что – не было никакого барона Штраума?

– Почему же, барон был, но сейчас его нет, я опять взяла девичью фамилию.

– Ну, не совсем девичью... ладно, переходим к делу. Итак, дорогая Софи, расскажите мне о вашем верном рыцаре – этом романтическом полковнике. Давно вы с ним познакомились?

– Сразу же, как только приехали в Ценск, около месяца назад. Он тогда как раз вернулся из рейда.

– И сразу в вас влюбился?

– А вы считаете, что такого не может быть? – Как всякая женщина, она обиделась, что сомневаются в силе ее чар.

– Да нет, я верю. Вы очаровательная женщина, и немудрено, что полковник потерял голову. И простите за нескромный вопрос: он что же, предлагал вам руку и сердце?

– Представьте себе, нет, – усмехнулась она.

– Он предпочитает обожать вас издали... ну, не хмурьтесь, я спрашиваю не из праздного любопытства. Мне рассказывали, что он оставил вас в полной изоляции, ревнует даже к женщинам. Исключение составляет милейшая княгиня Анна Евлампиевна. Почему-то ей он доверяет свое бесценное сокровище.

– Он сын ее старинного приятеля, – вздохнула Софи, – и представьте себе, именно так он меня и называет – своим бесценным сокровищем.

Борису пришла в голову простая мысль: а почему Софи не погонит полковника прочь, ведь, судя по всему, он надоел ей своим обожанием до чертиков? И вообще, что она делает в Ценске, что ее связывает с княгиней, каковы ее дальнейшие планы?

– А вы как познакомились с княгиней? – задал он следующий вопрос.

– Случайно. – Она смотрела на него безмятежно.

«Ну-ну, – подумал он, – уж настолько-то я тебя, голубушка, знаю, случайно ты ничего не делаешь?».

– Ну ладно, мы договорились: я не буду вмешиваться в ваши дела, а вы поможете мне кое-что прояснить с полковником. Значит, влюблен без памяти, страшно ревнует, но не требует, как бы это поделикатнее выразиться, немедленного доказательства вашей взаимности?

– Послушайте, – от возмущения она даже привстала с места, – соблюдайте же приличия!

– Значит, я прав, – удовлетворенно констатировал Борис, – и не нужно делать такое лицо. А теперь скажите, Софи, только честно: вас не удивляет его поведение? Этакая нарочитость: романтическая страсть, любовь к прекрасной даме, платочек на память он у вас не просил?

Она молчала, отвернувшись.

– Прямо роман Вальтер Скотта получается, – ничуть не смущаясь, продолжал Борис. – И не пытайтесь убедить меня, что вы этого не замечали. Вы женщина умная и наблюдательная. Значит: либо вы с полковником договорились и ведете здесь какую-то свою игру, либо...

– Уверю вас, что никакой игры мы с ним не ведем и он действительно меня обожает: уж в таких вещах мы, женщины, ошибиться не можем! И что-то он болтал о какой-то причине, но я, признаться, не придавала значения...

– Дорогая моя, – Борис поднялся, – дайте мне слово, что вы не сбежите и будете мне помогать.

– Мне просто некуда идти! – Она пожала плечами.

– А я со своей стороны не собираюсь сдавать вас контрразведке.

– Как я могу вам верить?! – воскликнула она.

– Так же, как и я вам, – любезно напомнил Борис. – А теперь позвольте мне удалиться тем же путем – через окно, нужно беречь вашу репутацию. Хотя, признаться, мне этого совсем не хочется. И чтобы насолить надутому полковнику. – Борис неожиданно схватил стоящую перед ним даму за плечи и крепко поцеловал в губы.

Поцелуй оказался длиннее, чем он рассчитывал, и он подумал даже, что если проявит настойчивость и желание остаться, то она не будет против. Но неудобно было перед Саенко, да и рискованно, и Борис с сожалением отказался от этой мысли.

Опять в голове всплыли мушкетеры, и вот уже под ногами земля, и Саенко сердито шепчет, что больно уж долго их благородие разговоры разговаривали.

– Ничего, брат Саенко, – Борис весело хлопнул его по плечу, – а ты вот погоди только полковнику Горецкому про это говорить, я сам потом расскажу.

По дороге Борис вспомнил, что обещал зайти на квартиру к Алымову, и с сожалением повернул в сторону от дома.

Петр тихонько окликнул его из раскрытого окна. В комнате было темно, только мерцал огонек папиросы.

– Я уж думал, что ты спишь. – Чтобы не будить хозяев, Борис влез прямо в окно, такой способ стал для него привычным.

– Поздненько возвращаешься от дамы, – усмехнулся Алымов.

– Ты ревнуешь, прямо как полковник Азаров, – рассмеялся Борис.

– Ничуть я не ревную, – с какой-то злобой ответил Петр, – я женщинами вообще не интересуюсь.

– Что так? – удивился Борис. – Ты всего на два года старше меня, природа своего требует...

– Противно все, – процедил Алымов, – война все перевернула с ног на голову, жизнь рушится, а сегодня в ресторане дамы в бриллиантах сидят как ни в чем не бывало. Делают вид, что ничего не случилось, что им весело, как прежде. И ведь притворяются все! Ведь нельзя

забыть, что случилось. А так пир во время чумы какой-то получается. А тогда зачем приличия соблюдать? Делай что хочешь!

– Многие так и делают...

– Вот именно. Я и говорю, что все противно.

– На фронте тебе легче? – осторожно спросил Борис.

– На фронте... – Алымов сердито затаился потухшей папиросой. – Красные после каждого поражения устраивают децимации, то есть каждого десятого – к расстрелу.

– Я знаю, – кивнул Борис.

– Ты знаешь, а я видел! – крикнул Алымов. – В Добрармии этого не делают, якобы должны драться за идею. Какую только, непонятно.

– М-да, еще офицеры – понятно, а за какую идею воюют солдаты?

– Сказать тебе? – зло прошипел Алымов. – Весной только бой кончился, стояли мы возле Серпуховской. И вот подъезжает ко мне ротмистр и говорит, чтобы я дал своих, с батареи, чтобы пленных махновцев расстреливать. Я говорю: мои расстреливать не пойдут! А он так усмехнулся и говорит, что сам их спросит. И что ты думаешь? Все как один согласились! Вот тебе и идея. – Он прошипел сквозь зубы ругательство.

– Ты что же, с шестнадцатого года на фронте – и никого не убил? – усмехнулся Борис.

– Да не валяй ты дурака! – Алымов грозно блеснул в темноте глазами. – Одно дело – в бою убить человека, который такой же, как ты, боец. А совсем другое – самому вызваться расстреливать безоружных пленных.

– Я понимаю.

– Ничего ты не понимаешь! Зачем ты вообще приехал?

– Я на службе, – растерялся Борис.

– Ты думаешь, я не понял, зачем ты просил познакомить тебя с товарищами? – Алымов бросил догоревшую папиросу в окно и немедленно закурил другую. – Тут и ребенок поймет, для чего приехал полковник Горецкий, его видели в контрразведке. А ты, значит, действуешь как бы изнутри.

– Полковник Горецкий приехал по очень важным делам, – отчеканил Борис, – нам с тобой о них знать не положено. Заодно его попросили решить одну задачу – каким образом погибли полторы тысячи солдат и офицеров? Ты не задумывался об этом, ведь результаты рейда всем известны.

– Я очень жалел, что меня не взяли в тот рейд, – горько произнес Петр, – погибнуть в бою, и пусть все провалится в тартарары, мне наплевать...

– Там не было боя, – жестко произнес Борис, – там была бойня. И ее устроил кто-то из пятерых. Полковник Горецкий оторвет мне голову, – добавил он, помолчав, – я выдал служебную тайну. Но помоги мне, Петр, дело очень сложное.

– Я не могу, – Алымов неприятно усмехнулся, – честь офицера...

– А я могу? – Борис подскочил к нему и встряхнул за ворот. – А один из пятерых мог спокойно отправить на смерть полторы тысячи человек? Ради чего?

Они долго молчали.

– Честь офицера, – процедил наконец Борис. – Мне показалось, у тебя не осталось иллюзий.

– Ты прав, – согласился Алымов, – ты меня убедил. Что ты хочешь, чтобы я сделал? – устало промолвил он. – Я ведь уже познакомил тебя со всеми, даже с полковником Азаровым. Ты что думаешь: стоит посмотреть на них твоим орлиным, проницательным взором, и сразу прочтешь их мысли?

– Нет, разумеется, я отнюдь не обольщаюсь. Человек, которого я ищу, очень умен. Но возможно, ты, хорошо зная каждого из них, заметил какие-то странности в поведении, несоответствие слов и поступков...

– Ты хочешь, чтобы я тебе докладывал как филер? – Алымов смотрел на Бориса презрительно сузившимися глазами.

– Вспомни о полутора тысячах, – в свою очередь, рассердился Борис. – И если мы его сейчас не остановим, что он еще натворит?

– Да, и чем выше его чин, тем больше вреда он сможет принести, – задумчиво проговорил Алымов.

– Ты имеешь в виду полковника... – полуутвердительно начал Борис.

– Да, но я... ни в чем не уверен. Дело в том, что он... один раз я заметил... – Внезапно Алымов вскочил, обхватив голову руками. – Ты соображаешь, что мы делаем? Полковник Азаров – боевой офицер, служил в царской армии, служил верно, наконец, участвовал в корниловском походе! А мы его...

– Хватит! – жестко произнес Борис. – Либо ты мне помогаешь, либо я ухожу и считай, что нашего разговора не было. Мне надоели твои метания. Прямо как гимназистка: ах, иди к нему завтра на свидание на большой перемене или это будет неприлично! Если ты уверен, что полковник Азаров чист, как ангел, так пришей ему крылышки!

– Ладно, – неожиданно согласился Алымов, – ты прав. Про остальных офицеров я тебе ничего рассказать не могу, а про полковника вспоминаю вот что. Держится он особняком, это ты знаешь, ни с кем близко не сходится. Но как-то мы с ним разговорились совершенно случайно – он заметил, что я хромаю. Я рассказал ему о чертовом колене, он отнесся с пониманием и сказал, что у него самого иногда сильно ноет старая рана в спине. Иногда приходится даже принимать морфий. Услышав про морфий, я испугался – боюсь привыкнуть, потом не смогу обходиться без него... Но полковник успокоил меня, сказал, что, имея сильную волю, можно удержаться от частого приема и пользоваться морфием только изредка, когда уж совсем невмоготу. И еще он сказал, чтобы я обращался к нему, если станет совсем плохо.

– Добрый самаритянин, – иронически протянул Борис.

– Нет, просто он знает, как может болеть старая рана, – спокойно ответил Алымов и сделал вид, что не заметил, как Борис покраснел от стыда. – Так вот, недели полторы назад меня что-то сильно прихватило. Дело было ночью, спать я не мог. Сначала ходил по комнате, курил – когда нога болит, лежать совсем не могу, лучше ходить, хоть и хромая. Ну, про мои мучения тебе не интересно, в общем, часа в два ночи я окончательно озверел и решил идти к полковнику Азарову, извиниться за то, что разбудил, и попросить у него два грана морфия. Вот и пошел пешком, тут недалеко. Пропуск для ночного хождения у меня есть. Притащился на квартиру полковника, стучу тихонько, потому что увидел, что лампа горит. А у него квартира в небольшом доме, и вход от хозяев отдельно, причем крылечко выходит прямо в переулок, то есть по двору проходить не нужно. На мой стук дверь сразу открывается, не спрашивая, и на пороге стоит этакий гомонкулус. Это его денщик, полковника-то, звать Иваном. Такой мужик саженого роста, руки как грабли. Меня увидел, даже отшатнулся, смотрит дико и молчит.

– А почему тогда дверь отпирал, не спрашивая? Ждал кого-то, да не тебя?

– Ты слушай. Я спрашиваю, мол, нельзя ли полковника попросить, скажи, мол, что штабс-капитан Алымов по известному ему делу срочно. Думаю, уж догадается полковник, что меня прихватило, до утра терпеть мочи нет, хоть волком вой. Тот, Иван-то, стоит в дверях как истукан, будто не слышит. Я просьбу свою повторяю, а у самого язык уже заплетается. Однако так ничего и не добился: отвечает мне это чудовище, что полковник, мол, болен лихорадкой, лекарство приняли и спать легли, приказав до утра не беспокоить.

– А чего ж тогда лампу жечь и дверь на каждый стук открывать? – запальчиво спросил Борис.

– Легко тебе сейчас говорить, – вздохнул Алымов, – а я тогда от боли ослаб совсем, соображать перестал. Да вспомнил вдруг, что и правда день полковника не видел и кто-то говорил, что болен он. Стыдно мне стало, извинился и пошел. Да только одно название, что

пошел, потому что нога проклятая совсем отказала. Завернул за угол и сел прямо на землю. В глазах темно, голова кружится. Так примерно полчаса просидел в отупении. От холода ночного в себя пришел немножко, только хотел подниматься, как слышу – конный едет. И заворачивает в переулок, тут дверь сама без стука открывается, на пороге Иван с фонарем, и слышу я по голосу, что это сам полковник приехал, да и Ахилла его узнал.

– Ну и оказия! – удивился Борис. – Постой-постой, это значит, что полковник Азаров, сказавшись больным, пропадает где-то сутками?

– Не сутками, а ночь и еще одни сутки. Но ты слушай, что дальше было. Значит, полковник вошел в дом, а Иван взял Ахилла и повел в конюшни. Ахилл – жеребец чистых кровей, редкой игреневой масти. Слава Богу, до конюшни недалеко, а то я бы не дохромал. Но, честно говоря, у меня от злости и боль-то прошла. В конюшне Иван расседлал жеребца, вытер, а когда ходил он за овсом, я рассмотрел, что хоть жеребец и не в мыле, но видно, что дальний путь проскакал.

– Вот, значит, как... – протянул Борис.

– На прошлой неделе он тоже болел и сутки не показывался. Княгиня Анна Евлампиевна навестить его хотела, так он отговорился, Ивана с запиской прислал, что, мол, ничего не надо, скоро буду. И понимаешь ли, Борис, – Алымов сел на диван и слабо улыбнулся, – если бы я своими глазами не видел, что он ночью издалека приехал, я бы, как и другие, подумал, что полковник запивает. Запретса на сутки и пьет, а потом опять нормальный человек. Ничего странного, говорят, сам Май-Маевский³ тоже запойный...

– Но тут ведь другое, – прервал Борис. – И ты никому про эти его отлучки не рассказывал?

– А ты считаешь, что я сразу должен был мчаться в контрразведку? – огрызнулся Петр. – В жизни доносчиком не был! И потом, возможно, его отлучкам есть разумное объяснение. И как бы я тогда выглядел? Пришлось бы признаваться, что следил...

– М-да, и что мне с этой информацией делать? – задумался Борис. – Выяснить, что не было в этих поездках у Азарова никакой служебной надобности, не составит труда, но вот как заставить его объясниться, не призывая тебя в свидетели... Впрочем, я, кажется, придумал! Шерше ля фам! – И, заметив, что Алымов нахмурился, Борис рассмеялся:

– Не надо так переживать! Уверю тебя, что никому не будет плохо, а совсем наоборот.

На следующее утро солнце светило так ярко, что октябрьский день вполне можно было посчитать за летний где-нибудь на широте Санкт-Петербурга. Горецкий с утра был озабочен, за завтраком читал газету и хмурился, потом собрался скоро и ушел, наказав Борису активно втираться в среду офицеров. Борис переглянулся с Саенко, понял, что Аркадий Петрович совершенно не в курсе его ночных походов, и повеселел. Он ощущал легкое беспокойство по поводу бывшей баронессы и опасался, что Горецкий не станет ей доверять, а, чего доброго, сдаст ее в контрразведку. Полковник Горецкий был чужд какой бы то ни было сентиментальности.

Посему Борис решил разрабатывать операцию с полковником Азаровым самостоятельно, тем более что Горецкий все равно будет устраивать общую проверку всем пятерым офицерам. Он долго брился перед хозяйским зеркалом, потом тщательно причесывался и наконец отправился в город. Алымов с утра собирался к доктору на какие-то процедуры с ногой. Борис проводил его, потолкался в коридорах лазарета, осведомился о здоровье генерала Дзгоева. Генерал был плох, но доктора не теряли надежды. В солдатском отделении Борис неожиданно встретил штабс-капитана Коновалова, с которым накануне познакомил его ротмистр Маль-

³ Май-Маевский, Владимир Зенонович (1867–1920) – генерал-лейтенант, с 1918 г. командовал дивизией, в мае – ноябре 1919 г. – командующий Добровольческой армией, главноначальствующий Харьковской области. После поражения похода на Москву отстранен от должности и заменен в декабре 1919-го П.Н. Врангелем. Умер в Севастополе.

цев. Штабс-капитан навещал своего коновода Пряхина, который и так уже скоро собирался на выпуск, потому что в бою с махновцами оторвало ему два пальца на руке. Пальцев все равно не приставишь, резонно рассуждал Пряхин, с лошадьми он и так управится, а чего зря казенную койку протирать. Коновалов дал ему денег и ушел, а Борис посмотрел на часы и решил, что настало подходящее время для визита к княгине Задунайской.

Дамы уже встали, напились кофею и собирались на прогулку. Борис подал княгине шаль, мимоходом прикоснулся к тонким пальчикам Софи и болтал без остановки – словом, усиленно делал вид, что у него решительно нет никаких важных дел, кроме как заботиться о милых дамах. Княгиня принимала его заботы спокойно, только переводила живой взгляд с него на Софи и обратно. Она думала, что Борис увлекся ее приятельницей.

Захолустный Ценск преобразился от присутствия большой армии. На улицах было множество офицеров, нарядных дам, но во всей жизни города чувствовалось какое-то болезненное напряжение – слишком суетливы были местные жители, в особенности неизвестно откуда взявшиеся темные личности – маклеры, перекупщики, – слишком громки были разговоры на улицах и в кафе, слишком развязны извозчики и официанты.

Пешком княгиня ходить не любила, поэтому вскоре остановились у кондитерской, расположенной по теплему времени на открытой террасе. Встретили знакомых, начался общий шумный разговор. Борис поймал себя на мысли, что вчера ночью Алымов был прав, когда утверждал, что все, что происходит сейчас в обществе, – это пир во время чумы. Говорили, как водится, об успехах на фронте, дамы шумно восхищались Деникиным, офицеры солидно помалкивали, штатские больше интересовались экономическим вопросом. Борис уличил минутку и сделал Софье Павловне знак глазами. Та отошла к решетке, ограждавшей террасу. Борис убедился, что никто на них не смотрит, и приблизился к Софи.

– Что вы хотели? – неприязненно спросила она, еле шевеля губами.

– Дорогая моя, у меня к вам огромная просьба! – с жаром начал Борис и взял ее за руку. – Но сначала я должен сказать, что вы сегодня просто очаровательны.

Она и вправду была хороша – в лиловом туалете, чудно подходившем к глазам.

– Сделайте одолжение, переходите сразу к делу, – поморщилась она.

– Жаль, – непритворно огорчился Борис, – мы могли бы совмещать приятное с полезным.

Ему доставляло удовольствие поддразнивать ее, кроме того, он знал, что она-то ни за что не поверит его сладким речам, и от этого чувствовал себя с ней свободно.

– Тогда переходим к делу, – согласился он. – Значит, вы должны как следует потрясти вашего влюбленного полковника и получить от него четкий и правдивый ответ: что означают его тайные и частые отлучки. Примерно раз в неделю он сказывается больным, а сам уезжает куда-то тайно на сутки, а потом возвращается.

– Но почему меня должно это интересовать? – Она пожала плечами. – Возможно, это связано с его службой.

– Никак нет, не связано, потому что он же сам говорил, что сейчас находится не у дел, ждет нового назначения, его батарею полностью разбили махновцы.

Краем глаза Борис заметил, что к террасе приближается полковник Азаров.

– Улыбайтесь, – прошептал он, – вон ваш обожатель, легок на помине. Значит, вы устраиваете ему сцену ревности, жалуетесь, что он обманывает вас с другой женщиной – к кому еще можно ездить тайно ночью? Он, разумеется, будет все отрицать, тогда вы нажмите посильнее, скажите, что в прошлый раз вы, движимая заботой о больном, приходили к нему поздно вечером и видели, как он вернулся верхом. Слез там побольше... ну, не мне вас учить. Помните, его объяснение должно быть разумным, какая-нибудь чушь, что он ездит в степь любоваться на звезды и мечтать о вас, меня не удовлетворит.

Она смотрела на него рассеянно, бездумно обрывая лепестки астры.

– Не беспокойтесь, – наконец произнесла она, – вы получите самое правдивое объяснение. Мне даже стало самой интересно, куда же он ездит. – В голосе ее послышалась непритворная заинтересованность.

Борис поцеловал ее руку, выдернул на память из букета цветов и бегом бросился к выходу, на ходу поприветствовав полковника Азарова, который взглянул на него с ненавистью.

– Что делает возле вас этот хлыщ? – Полковник был так зол, что приветствовал Сонечку весьма холодно.

– Нам нужно объясниться, – спокойно ответила она. – Я давно знала... но больше не могу молчать... – В голосе ее послышалось волнение, и полковник сразу забыл про Бориса.

– Я готов объясниться с вами хоть сейчас, Софья Павловна, дорогая!

– Но не здесь, – твердо ответила она, – здесь нам будут мешать. Приходите к нам вечером, у нас никого не будет.

В комнате Алымова было накурено. Низко подвешенная над столом керосиновая лампа освещала залитую вином скатерть, разбросанные по ней карты, разгоряченные вином и азартом лица офицеров.

– Борис! – радостно повернулся к вошедшему Алымов. – Садись с нами, хорошая игра идет!

– Да я скверный игрок, – поморщился Борис, – мне в карты никогда не везет.

– Должно быть, в любви вам везет больше, – обернулся от стола ротмистр Мальцев, сощурив голубые глаза.

– Твоя правда, – присоединился к разговору смуглый черноусый есаул Бережной, – не успел господин поручик появиться в Ценске, а уж кружит головы здешним дамам. Видели его, господина, в обществе Сонечки Вельяминовой?

– Поздравляю вас, поручик, – усмехнулся Мальцев, – одно только вам скажу – будьте осторожны с Сонечкой, она дама с норовом... и полковник Азаров соперник серьезный, так что по этой дорожке ходите, да оглядывайтесь. Азаров – человек сдержанный. Да только в тихом омуте, говорят, черти водятся. Лучше уж вы держитесь от его дамы сердца подальше.

– Да что вы, господина! – с легкой полуулыбкой ответил Борис. – У меня и в мыслях не было...

– Господину поручику просто зазорно с нами играть, – с неожиданной злобой заговорил молчавший до сих пор Осоргин, – он, должно быть, считает наше общество недостойным своей osoby!

– Брось, Митенька, не заводись! – Мальцев потрепал Осоргина по плечу. – Что у тебя за характер! Лучше выпьем, господина! Выпьем за прекрасных дам – и здешних, ценских, и тех, которые с нетерпением ждут нас в Москве!

Бокалы зазвенели. Офицеры выпили стоя. После все сели вокруг стола, и Борис оказался рядом с Бережным. Есаул, весьма импозантный, в черной черкеске с газырями, подкрутил длинный ус и повернулся к Борису:

– Поручик, а славный у вас пистолет!

– Да, неплохой. – Борис расстегнул кобуру и вынул оружие – «борхард-люгер», он же «парабеллум», то есть «готовься к войне».

– Славная, славная вещь... – Есаул разглядывал пистолет, любуясь им, как прекрасной женщиной.

– Позвольте, есаул, я подарю вам его, – поспешно проговорил Борис, вспомнив, что на Кавказе принято дарить понравившуюся вещь.

– Нет, поручик, я не могу принять такого подарка. А давайте мы с вами сыграем – ваш «люгер» против моего кинжала. – С этими словами Бережной отстегнул от ремня кинжал в чудных отделанных серебром ножнах и протянул его Борису. Борис осторожно вытащил кли-

нок из ножен и невольно ахнул – так хорош был кинжал. По темному лезвию бежал тускло отсвечивающий волнистый рисунок, рукоять черного дерева сверкала серебряной арабской вязью.

– Это настоящий пулад... или булат, как говорят европейцы – старинный прекрасный клинок.

– Это фамильный ваш кинжал? – с любопытством спросил Борис. – Или вы его купили?

– Купил?! – Лицо Бережного побагровело. – Оружие не покупают! Оружие можно получить от отца, можно добыть в бою, но покупать оружие нельзя. Этот клинок я добыл в бою. – Бережной, видимо, вспомнил что-то давнее, и краска возмущения сошла с его лица, он успокоился и закончил: – А вот выиграть оружие в карты можно. Давайте, поручик: ваш «люгер» против моего кинжала.

– Извольте. – Борис кивнул. – Коли не хотите принять пистолет в подарок – сыграем.

Бережной перетасовал колоду, велел Борису снять половину и начал метать. Направо выпала десятка, налево – валет. Борис открыл десятку.

– Десятка ваша бита, – с легкой усмешкой произнес наблюдавший за игрой Осоргин.

– Что ж, – Борис пожал плечами, – я ведь говорил вам, господа, что мне в карты не везет! Прошу вас, есаул. – И он протянул Бережному свой «парабеллум». – Так и так я хотел вам его подарить.

Бережной любовно погладил рукоять пистолета, убрал его в кобуру и промолвил:

– Оружие и лошади – вот что должно радовать сердце настоящего мужчины! А бабы... они не стоят того, чтобы долго о них думать.

– Видимо, какая-нибудь брюнетка сильно задела твое сердце, – с прежней легкой усмешкой заметил Осоргин.

– Митенька, – поморщился Мальцев, – ну что у тебя все-таки за характер! Знаешь прекрасно, что есаул не любит подобных разговоров, а все тебе неймется... Ну, господа, выпьем за Москву, за то, чтобы мы с вами прошли через месяц по ее улицам!

– Выпьем, за это выпьем, – тихо промолвил Осоргин и добавил вполголоса, обернувшись снова к Борису: – А только с вами, поручик, и в карты-то играть неинтересно – проигрыш вас не огорчает, наверное, и выигрыш не радует. Что вы за человек такой... Как шеф ваш, полковник Горецкий, – такая же темная лошадка...

– Это ты, Дмитрий, – перебил его Алымов, – это ты что за человек, вечно на ссору набираешься, не можешь с характером своим сладить! Чем тебе, спрашивается, Борис не угодил?

– Ладно, Алымов, ладно, – поморщился Осоргин, – скверное настроение... Простите меня, поручик!

– Да я не в обиде. – Борис пожал плечами. – Давайте выпьем с вами на брудершафт.

– А что. – Осоргин улыбнулся чуть криво по своему обыкновению. – Что ж, выпьем.

* * *

Полковник Азаров собирался к даме своего сердца. Ивана он отослал из дому с какими-то поручениями. Раздался стук в дверь. Поскольку в доме никого не было, полковник накинул френч и, не успев застегнуться, отворил дверь. На пороге стояла та, к кому собирался он сейчас идти, чтобы провести вечер. Софья Павловна тяжело дышала, грудь ее вздымалась. Щеки ее горели, глаза сверкали, волосы выбились из-под шляпки. Пораженный полковник отступил внутрь, не успев вымолвить ни слова. Она проскочила в дверь, незаметно для Азарова оглянувшись по сторонам. В переулке никого не было, никто не мог ее видеть.

– Вы... – опомнился Азаров, – Софья Павловна, вы... как вы здесь?

«Обыкновенно», – раздраженно подумала она, но промолчала.

– Простите, я... совсем не ожидал. – Он торопливо застегивал френч.

Софья Павловна глубоко вздохнула и начала представление. Шляпа и перчатки полетели на диван, она подошла к полковнику вплотную и посмотрела ему в глаза требовательно и тревожно. Потом вдруг отскочила в сторону и закрыла лицо руками.

– Нет, – глухо донеслось до Азарова, – нет, не могу, не могу поверить...

– Но что такое, что случилось? – бормотал ошеломленный полковник.

– И вы еще спрашиваете, что случилось? – Теперь она стояла перед ним, грозно сверкая фиалковыми глазами. – Вы, вы еще имеете совесть недоумевать по поводу происшедшего? Вы – низкий, бесчестный человек! Вы думаете, что раз сейчас война, то в такое страшное время можно безнаказанно издеваться над несчастной одинокой женщиной, можно играть ее чувствами... – Тут Софья Павловна сочла необходимым грациозно упасть на диван и разразиться рыданиями.

Полковник Азаров совершенно потерял голову. Вид любимой женщины, так откровенно страдающей, привел его в неистовство. Он упал на колени перед ней, он целовал ее руки, которые она пыталась отнять, – словом, сцена была достойна немого кинематографа. Наконец Софи, чувствуя, что такая опасная близость приводит влюбленного полковника совершенно к определенным мыслям, как и всякого нормального мужчину, села на диване и оттолкнула своего обожателя.

– Не прикасайтесь ко мне! – вскрикнула она.

В суматохе Азаров не заметил, что глаза ее совершенно сухи. Когда нужно, Софи умела вызывать настоящие слезы, но в данном случае решила не тратить силы.

– Давайте объяснимся раз и навсегда, – горько проговорила она.

– Но в чем, в чем вы меня обвиняете? – вскричал он, в свою очередь, засверкав глазами.

– Я хочу знать, зачем вам понадобилось меня обманывать. Вы уверяли меня в искренности своих чувств...

– Но это так, вы же знаете, что я вас люблю!

– Да? А к кому же тогда вы ездите по ночам? – Вопрос вылетел, как пуля из пистолета.

Удар был силен, полковник застыл на месте.

– Да-да, – она продолжала давить, не давая ему опомниться, – вы обманщик, вы говорите женщине, что не можете без нее жить, а сами по ночам развлекаетесь с другой!

– Но... с чего вы взяли, что я езжу куда-то по ночам? – пытался полковник оказать слабое сопротивление.

Он мог бы рассчитывать на успех, если бы дело было на фронте, но в данном случае все его жалкие попытки защиты заранее были обречены на провал.

– Не нужно играть со мной, – как-то даже спокойно заговорила Софья Павловна, и в этом спокойствии Азарову почудилось приближение окончательного и бесповоротного с ней разрыва, – не нужно лгать, изворачиваться, снова начинать вашу сладкую песню о любви, которая не может быть счастливой...

– Но это так и есть! – глухо проговорил полковник и отвернулся. – Всегда существовала причина, по которой я мог любить вас только издали.

«Возможно, он болен, – в некотором смятении подумала Софья Павловна, – этого только мне не хватало».

– Я вам не верю, – в растерянности произнесла она. – Я видела своими глазами, как в прошлый понедельник вы возвращались поздно вечером на уставшей лошади. В тот вечер я долго не могла заснуть, мне представлялось, как вы лежите тут, совершенно один, без помощи, вы ведь изволили сообщить Анне Евлампиевне, что больны, что открылась старая рана. Все это чушь, нет никакой раны!

– Рана есть, – тихо вставил Азаров, – и не одна.

– И вот я долго думала и решилась, – продолжала Софья Павловна, отмахнувшись, – я решилась погубить свою репутацию ради вас. И что же я увидела, подойдя? Вы, на Ахилле! – Она снова заломила руки и зарыдала.

Такого количества рыданий было многовато даже для закаленного в боях полковника, а он к тому же действительно был влюблен. Все желания его были направлены на то, чтобы не причинить еще большего горя любимой женщине, и он совершенно не обратил внимания на то, откуда она знает имя его жеребца и по каким признакам сумела определить в темноте, что лошадь устала. Ведь она неоднократно уверяла его, что абсолютно не разбирается в лошадях...

– Хорошо, – медленно сказал Азаров, – раз вы настаиваете, то я расскажу вам. Я просто не могу оставаться в таком положении, когда вы считаете меня чудовищем. Так слушайте же!

Софи оживилась, но села, сохраняя на лице выражение оскорбленного недоверия.

– Я был женат, – начал полковник глухо, но в глаза своей визави смотрел честно и твердо. – Это было давно, много лет назад. Жена моя умерла при родах...

– Боже, – пробормотала Софья Павловна, чтобы как-то отреагировать. На самом деле сказать ей было абсолютно нечего. Она пыталась понять, не морочит ли ей полковник голову, но по всему выходило, что он не врет, уж настолько-то она успела изучить его за время их знакомства.

– Жена умерла, а ребенок выжил, – с горечью продолжал Азаров, – но лучше ему было не жить.

Он встал, отошел в дальний угол комнаты, помолчал немного, потом сказал жестко:

– Мой сын – полный и законченный идиот. Никакому лечению не подлежит, и не подлежал никогда. Он жил с моими родителями в Москве, я воевал, потом революция. Мать умерла от тифа в восемнадцатом, отец с Андрюшей и его нянькой решил податься на юг. Он умер в дороге, нянька чудом нашла меня. И вот я определил их на хутор Ясенки, у няни там родня, и навещаю, когда могу.

Он замолчал, но поскольку Софи не произнесла ни слова, то заговорил снова, гораздо нервнее:

– Невозможно поселить его здесь, невозможно, чтобы его кто-то видел из моих знакомых, я не вынесу этой показной жалости, этих перешептываний за спиной, ужаса в ваших глазах...

«Но при чем же здесь я?» – подумала Софья Павловна.

Она была разочарована, потому что по всему выходило, что полковник говорит правду. Конечно, она расспросит еще об этом княгиню Анну Евлампиевну, не может быть, чтобы та хоть краем уха не слышала про сына-идиота.

– Вы молчите?! – воскликнул между тем полковник. – Правильно, потому что это еще не все. Осенью тринадцатого года я возил Андрюшу в Швейцарию. И там врачи сказали мне, что болезнь эта наследственная, причем с моей стороны. Вы представляете? Наши доктора говорили, что болезнь произошла от тяжелых родов, что-то там про неправильное положение плода... А тут мне совершенно определенно дали понять, что в моем роду, очевидно, уже встречались такие случаи, что просто никто не рассказывал мне, не проводил параллели. Болезнь эта передается по мужской линии. Так что даже если у меня родится здоровый ребенок, как я сам или мой отец и дед, то в его потомстве может быть опять такой случай!

Софья Павловна подавила зевоту и украдкой взглянула на часы. Следовало выбираться отсюда как можно скорее, уже поздно, и ничего нового полковник ей не расскажет. Она передаст все сведения этому нахальному поручику Ордынцеву, и пусть он делает с ними что хочет. Пускай посылает человека с проверкой на хутор, как его... Ясенки.

– Вот почему я не могу жениться на вас, Софи! – продолжал свое Азаров.

«Милый мой, да кто же вас об этом просит?» – снисходительно подумала Софья Павловна.

Она улыбнулась ему как можно приветливее, и это было ее ошибкой, потому что влюбленный тут же пришел в неистовство. Он стоял на коленях и просил у нее прощения за обман, за то, что не верил, какая у нее светлая и чистая душа, что она поймет все и простит его. Он целовал ее руки, причем от ладоней поднимался все выше и дошел уже до локтей. В промежутках между поцелуями слова лились из него неудержимым потоком. Он стискивал ее в объятиях, и Софи поняла, что оторвать его от нее сейчас смогла бы только труба, протрубившая немедленный сбор или тревогу. Она была трезвомыслящая дама и понимала, что в определенной ситуации мужчину не смогут оторвать от женщины никакое благородное воспитание и правила приличия. Кроме того, в глубине души ей даже льстила такая сильная страсть, как всякой женщине. Часы на стене начали отбивать десять ударов, но полковник ничего не слышал, он тонул в фиалковых глазах и погружался все дальше и дальше.

Софи думала, что в огне такой страсти он сгорит быстро, то есть, говоря по-простому, чем больше в любви слов, тем меньше дела, но он заснул только глубокой ночью. Тогда она оделась тихонько и выскользнула в темный переулок, моля Бога, чтобы не встретились патрули. Она была очень недовольна, не поведением Азарова, нет, тут все было в порядке, просто все это было совершенно зря. Она не выяснила для себя ничего нужного, а времени на расспросы оставалось мало.

Глава четвертая

«Следует обратить внимание на усиление политработы на фронте и в тылу среди мобилизуемых, пополнение частей Красной Армии коммунистами, укрепление военной дисциплины».

В. Ленин. Известия ЦК РКП(б), 1919

Поздно ночью Борис сидел в кабинете Горецкого, пил крепкий черный кофе и рассказывал о своих новых друзьях.

– Поручик Осоргин – ахтырский гусар, человек нервный, злой... По каждой ерунде лезет в ссору, обидчив до крайности и вместе с тем постоянно норовит оскорбить своего собеседника. Характер очень тяжелый, но его уважают за смелость. Алымов говорил мне, что в бою он храбр до самозабвения, потому и пули его не берут – он словно заговорен от них...

Горецкий посмотрел на бледное лицо Бориса и сказал ему, поправив пенсне:

– Борис Андреевич, голубчик, должно быть, вам тяжело сейчас делать мне доклад... Может быть, вы поспите и уж утром расскажете мне все на свежую голову?

– Нет, Аркадий Петрович, утром вряд ли у меня будет свежая голова... Я лучше еще чашку кофе себе налью.

– Сделайте одолжение. А насчет того, что пули не берут, – это, может статься, от того, что господин поручик заранее осведомлен, откуда будут стрелять?

– С другой стороны... – возразил Борис, подливая себе кофе и потирая мучительно ноющий висок, – с другой стороны, скверный характер говорит скорее в его пользу. Лазутчик был бы обходителен и вежлив, ни с кем не портил бы отношений – так куда больше можно вывести, большего добиться.

– Возможно, и так, – кивнул Горецкий, – а может быть, что господина этого так переполняет классовая ненависть, что никак не может он сдержать своих эмоций.

– Ну, насчет классовой ненависти – это вряд ли. Что Осоргин дворянин – тут уж сомнений нету.

– Ладно, это я так, различные варианты рассматриваю. Извольте продолжать.

Борис прикоснулся пальцами к виску, чуть заметно поморщился и продолжил:

– Есаул Бережной – весьма колоритная личность. Он из терских казаков и, как все настоящие терцы, полудикарь, глядит таким абреком, романтическим горцем. Такую мне поэму прочитал про коней и оружие – что твой лермонтовский Казбич! Кстати, – покосился Борис на Горецкого, – я ему пистолет проиграл, который вы мне выдали.

– Ну, голубчик, вы что же, хотите, чтобы я ваши карточные долги платил? Проиграл так проиграл.

– Да больно уж он на этот «парабеллум» засмотрелся. Я уж хотел по кавказскому обычаю пистолет этот ему подарить, а он не захотел, предложил сыграть. Так я для пользы дела согласился.

– Ладно, коли для пользы – посмотрю, может, что-нибудь вам достану.

– А то ведь мне украсть придется, – засмеялся Борис, – есаул ведь что сказал: оружие красть можно, в бою добывать можно, а покупать нельзя.

– Да, настоящий абрек, – усмехнулся Горецкий, – а между прочим, Борис Андреевич, терские и кубанские казаки не слишком надежны. Среди них весьма популярна идея создания на Северном Кавказе независимого государства, и они воображают, что Советы им позволят... Конечно, офицеры менее подвержены красной пропаганде, а среди рядовых казаков такие идеи очень даже в ходу. Что еще можете сказать про этого романтического есаула?

– Вспыльчив, – продолжил Борис, – но в отличие от Осоргина отходчив и добр, несколько не злопамятен. В общем, мне трудно представить такого человека в роли предателя.

– Это всегда трудно, – негромко сказал Горецкий, – представить человека, с которым ты разговаривал по душам, пил на брудершафт, играл в карты, ходил под пули, представить такого человека в роли предателя, вражеского шпиона или убийцы... Преступники, Борис Андреевич, – такие же люди, как мы с вами, и зачастую очень даже симпатичные... Ладно, я отвлекся. Что вы можете сказать о Мальцеве?

– Менее всего, – смущенно проговорил Борис. – Гусарский ротмистр, человек уравновешенный, спокойный. Хотя в игре азартен, но и в азарте сохраняет некоторое благоразумие, умеет на самого себя взглянуть как бы со стороны и с некоторой долей иронии... Впрочем, я вижу, Аркадий Петрович, что ничего по-настоящему полезного я вам сообщить не смог, не обессудьте.

– Отчего же? Всегда полезно представить себе характеры и психологические типы людей, попавших в сферу расследования. А я, голубчик, вот что подумал, – Горецкий, по своему обыкновению, снял пенсне, приобретя чеканную строгость черт, – устроим-ка мы всем нашим подзреваемым маленькую проверку...

Полковник Азаров явился в штаб корпуса за новым назначением. Он приходил сюда едва ли не каждое утро, и его все отсылали и отсылали, перенося разговор на другой день. Но сегодня все было по-другому. Его направили в кабинет, где прежде не приходилось бывать, и незнакомый ротмистр, приподнявшийся из-за стола, сказал:

– Господин полковник, прошу вас прибыть к полковнику Кузнецову в штаб армии. Он сообщит вам ваше новое назначение. Заодно, не в службу, а в дружбу, передайте полковнику этот пакет.

Ротмистр протянул Азарову небольшой конверт из плотной серовато-желтой бумаги. На конверте не было указано назначения или адреса, была только крупная, дважды подчеркнутая красным надпись: «Совершенно секретно».

– Курьеры все разосланы, – извиняющимся тоном пояснил ротмистр, – а передать срочно нужно... Вы уж, господин полковник, передайте, с соблюдением возможной осторожности. Пакет наиважнейший.

Азаров удивленно взглянул на ротмистра, расписался в какой-то подsunутой тем книге и спрятал конверт в полевую сумку.

– Доставлю, конечно... А что за назначение, не знаете?

Ротмистр пожал плечами и ответил:

– Владимир Зенонович распорядился... Кажется, составляют новую мобильную часть из кавалерии и конной артиллерии.

Азаров поднял руку к козырьку и отправился в штаб командующего Добрармии генерала Май-Маевского, размещавшийся в другом конце Ценска. Там он довольно долго искал полковника Кузнецова – штаб недавно переехал в Ценск, и в здании царила неразбериха, как на вокзале. Наконец какой-то ушлый штабс-капитан указал Азарову нужную дверь.

За столом в кабинете сидел невысокий полноватый офицер, вполне отвечавший представлениям Азарова о штабных крысах. Азаров представился штабному и протянул ему пакет. Кузнецов как-то странно посмотрел на новоприбывшего и быстро спрятал конверт в верхний ящик стола. Затем он предложил Азарову сесть и сообщил:

– Вам предписано принять вновь образованную седьмую батарею конной артиллерии в составе двухбатарейного дивизиона. Начальник дивизиона – полковник Орловский. Старший офицер вашей батареи – штабс-капитан Нефедов. Он уже принял орудия и введет вас в курс дела.

Азаров уточнил, где расквартирована его новая батарея, и, откозырнув штабному, облегченно вздохнул. Тыловая жизнь утомляла и нервировала его. Ему хотелось вернуться к опасной, но размеренной и привычной жизни батареи, к той определенности и ясности, которая есть на войне, в мужском военном братстве, где каждый на виду и нельзя спрятаться за чужой спиной.

Есаул Бережной шел в слободу, где находилась в обозе второй категории его гнедая кобыла Красотка. Квартира, где стоял есаул, совершенно не была приспособлена к тому, чтобы держать лошадь при себе, вот и пришлось сдать ее обозному коноводу, но есаул отлично знал, как скверно ходят в обозе за лошадьми – и не почистят толком, и не покормят, поэтому он каждую свободную минуту старался проводить свою любимицу. Навстречу ему попался знакомый драгунский ротмистр.

– Бережной! – окликнул он есаула. – Вы ведь мимо штаба армии пойдете, так Христом-Богом молю – занесите пакет в штаб, полковнику Кузнецову. Меня срочно на станцию послали, там снаряды подвезли, а пакет тоже срочный... И как назло, никого нет, кому доверить можно – письмо-то наиважнейшее.

Ротмистр протянул небольшой сероватый конверт из плотной бумаги с круглой надписью поверху «Совершенно секретно». Больше на конверте ничего написано не было – ни назначения, ни адреса. Бережной нехотя взял конверт и кивнул ротмистру: передам, мол, невелик труд.

– Только умоляю, есаул, – ротмистр сделал большие глаза, – будьте осторожны, пакет крайне важный и очень секретный.

– Ладно-ладно, – проворчал Бережной, подумав при этом, что коли уж такой важный пакет, так и доставлял бы его ротмистр сам.

Ротмистра, однако, уже и след простыл – видно, и правда он очень торопился на станцию.

В штабе Добрармии Бережному долго пришлось разыскивать полковника Кузнецова – никто такого не знал, и есаул хотел было развернуться и уйти, но тут нужная дверь прямо-таки сама оказалась перед ним, и невысокий полноватый офицер совершенно штатского вида подтвердил, что он полковник Кузнецов и ждет означенного пакета как манны небесной. Бережной протянул штабному полковнику конверт, тот взглянул на есаула как-то странно и убрал конверт в стол. Есаул отдал честь и, облегченно вздохнув, отправился к своей гнедой Красотке. Как он и подозревал, мерзавец коновод не почистил толком лошадь и в кормушке у нее было только старое сухое сено. Бережной обругал коновода последними словами, засыпал в кормушку ячменя и как следует скребком вычистил Красотку. Лошадь благодарно вздыхала, смотрела на хозяина ласковым коричневым глазом и тихим ржанием выражала ему свою любовь.

Поручика Осоргина срочно вызвали к командиру Ахтырского гусарского полка. Самого генерала на месте не было, вместо него Осоргин увидел какого-то драгунского ротмистра.

– Поручик, – ротмистр выглядел озабоченно, – доставьте срочно в штаб армии полковнику Кузнецову пакет. – Ротмистр протянул какой-то небольшой серовато-желтый конверт с крупной надписью «Совершенно секретно». – Будьте осторожны, конверт чрезвычайно важный!

Осоргин по склонности характера хотел было огрызнуться, что он не унтер какой-нибудь с пакетами бегать, но военная дисциплина взяла верх над скверной натурой, и поручик, откозырнув и щелкнув каблуками, отправился в штаб.

В штабе армии, как и ожидал Осоргин, творился форменный бардак, никто ничего не знал, найти полковника Кузнецова удалось с огромным трудом. Полковник этот оказался типичным штафиркой, тыловым прихлебалой – низенький, рыхлый, с гнусной штатской физиономией. Осоргин протянул полковнику пакет, полковник посмотрел как-то странно и сунул пакет в стол, как будто никакой важности в нем не было. Осоргин внутренне кипел

и очень хотел штабному нахамить, но дисциплина опять взяла верх. Поручик развернулся и вышел на воздух, где отвел душу, обругав какого-то не в добрый час подвернувшегося штатского.

Борис, отославшись после карточной игры и обильных возлияний накануне, отправился к княгине. Сказали, что их сиятельство только что отбыли на прогулку, а Софье Павловне нездоровится, так что не принимают.

– Так-таки и не примет меня? – Борис нарочно говорил громко, чтобы его услышали наверху.

– Кто там, Федор? – раздался слабый голос. – Это вы, Борис Андреевич? Я спущусь.

Софья Павловна была бледна и казалась похудевшей от того, что под глазами ее залегли темные тени.

– Вы и вправду нездоровы? – удивился Борис. – А как поживает наш Ромео? С ним все в порядке? И чем увенчалась ваша миссия?

– Присядьте. – Она слабо кивнула на кресло. – Должна сообщить вам кое-что.

Спокойно и сухо она пересказала ему всю вчерашнюю исповедь полковника Азарова.

– Сын-идиот? – Борис даже вскочил с кресла. – И вы думаете, что я в это поверю?

– Придется. – Она устало прикоснулась к вискам. – Сегодня утром я выяснила кое-что у княгини. Она знала, что у Азарова был больной сын и что жена умерла при родах, но вот куда он потом делся, никто не знал. Но вы ведь можете это проверить.

– Да-да, – рассеянно согласился Борис.

– На этом, как я полагаю, моя миссия заканчивается? Больше я вам ничем не обязана? – рассерженно спрашивала Софи. – Не думайте, что вчерашний вечер достался мне так просто.

– Я и не думаю, – согласился Борис, – но, дорогая моя, согласитесь, что провести вечер с влюбленным в вас мужчиной – это не самое страшное.

– Да, конечно. – Фиалковые глаза дразняще заблестели, и Борис, представив, что с ней было вчера, почувствовал укол ревности.

– Как бы я хотел вчера быть на месте полковника! – непритворно вздохнул он и взял Софи за руку.

В таком положении и застала их вернувшаяся с прогулки княгиня Анна Евлампиевна.

– Воркуете, голубки? – ничуть не удивившись, пропела она. – Гляди, Борис Андреевич, как бы тебя полковник-то на дуэль не вызвал.

– Да он не увидит, он сегодня с утра в штаб пошел, я знаю, – не подумавши, брякнул Борис.

Софи бросила на него взгляд украдкой и упорхнула к себе. Борис тоже думал, как бы половчее откланяться, но княгиня усадила его подле себя с намерением поговорить.

– Что сегодня невеселы, Анна Евлампиевна? – рассеянно спросил Борис, так, для разговора.

– Грустно что-то нынче, тоска заела, – пожаловалась старуха.

Такая хандра была несвойственна бодрой княгине, и Борис учтиво осведомился о ее здоровье.

– Да здорова я, милый мой, здорова, насколько в семьдесят лет можно быть здоровой! – отмахнулась она. – Да только тошно здесь, в чужом доме-то, век доживать... Домой хочется, а домой, в Москву-то, попадем ли теперь?

Борис вспомнил опасения полковника Горецкого насчет успешного наступления на Москву и честно ответил:

– Не могу знать, Анна Евлампиевна, чин у меня не тот, чтобы такие вещи знать.

– Неужто придется за границу уезжать? – вздыхала старуха. – Давеча беседовала я с одним умным человеком, так он очень советовал.

– А почему бы вам и не уехать, хотя бы временно? – рискнул спросить Борис. – Возможно, здесь все утрясется, тогда и вернулись бы.

– Думаю я про это, – неохотно начала старуха, – только вот какое дело... Не могу я уехать, не побывав в имении своем, в «Дубовой роще». От Ценска оно в семидесяти верстах. Место там глухое, ехать боюсь одна, потому как, сам знаешь, очень хулиганят атаманы разные, да и мужички нынче осмелели.

– Да уж, теперь порядок только в городах и на железной дороге кое-как поддерживают, да и то поезда все время грабят, – поддакнул Борис. – Так что навряд ли в имение свое попадете, да и зачем вам туда?

– Детство мое там прошло, не могу уехать, те места не повидавши. – Старуха отвела взгляд.

Борис подумал про себя, что никогда он не замечал в княгине этакой сентиментальности, на редкость здравомыслящая была старуха, и нет ли иной какой причины для того, чтобы побывать ей в своем имении, но тут же засобирился уходить, отговорившись делами, и выбросил из головы мысли об имении княгини Задунайской.

Он не знал, что Софья Павловна, покинув так поспешно их с княгиней, не сразу поднялась к себе, а постояла немножко в маленьком темном коридорчике возле двери в гостиную. Разговор княгини с Борисом она слышала очень хорошо, потому что княгиня была глуховата и говорила громко. Когда старуха сама начала разговор про имение «Дубовая роща», глаза Софи заинтересованно блеснули. Но Борис разговора не поддержал, так что Софи пришлось поскорее отскочить от двери, чтобы ее не заметили. Поднявшись к себе, она заперла дверь комнаты изнутри, потом подошла к платяному шкафу и пошарила за полкой с бельем. Вытащив оттуда маленькую кожаную папочку, Софи наскоро перебрала ее содержимое – это все были какие-то бумаги – и наконец обнаружила старую, потершуюся на сгибах вырезку из журнала «Старая усадьба». Внимательно перечитав вырезку, Софья Павловна надолго задумалась.

Опять поздним вечером Борис явился домой, где ждал его Горецкий.

– Что-то у нас с вами, Аркадий Петрович, день с ночью поменялись местами. Все наши беседы происходят исключительно ночью, будто это мы с вами заговорщики, а не тот, кого мы ищем.

– Сегодня, голубчик, – с довольной улыбкой ответил полковник, – темнота крайне необходима для нашей работы. Без темноты ничего у нас с вами не выйдет.

– Что же – куда-то нужно проникнуть незамеченными?

– Нет, Борис Андреевич. Никуда мы с вами не пойдем, кроме этого чулана, где темнота особенно полная.

– Ну, Аркадий Петрович, вы меня заинтриговали. – Борис пожал плечами и устремился вслед за Горецким в маленькую кладовочку, где раньше у хозяев сложена была всякая рухлядь, а сегодня с утра Саенко все выбросил и вымел сор.

Горецкий зажег керосиновую лампу и надел на нее колпак из тусклого красного стекла, так что свет в чулане стал таинственно-багровым, каким он бывает изредка на закате или перед надвигающейся грозой.

– Я вижу, Борис, что вы удивлены, – начал Горецкий, одновременно вынимая из шкафчика какие-то склянки и пакетики и устанавливая на низеньком столе плоский тазик с водой, – вы же знаете, что я проводил проверку всех пятерых офицеров, подозреваемых в предательстве.

– Все же пятерых? И Коновалова проверяли, хоть у него и алиби?

– Не раз бывало, что самое лучшее алиби при хорошей проверке лопалось как мыльный пузырь. Так вот, относительно проверки. Каждому из пятерых офицеров мы под разными предложениями дали в руки конверт с якобы совершенно секретными документами. Весьма веро-

ятно, что предатель захотел бы ознакомиться с содержимым конверта. Конечно, вероятность тут не стопроцентная – предатель может быть осторожен, он может заподозрить ловушку и не открыть пакета, но некоторый шанс у нас все же имеется. Если один из конвертов вскрыт – тот, кто держал его в руках, почти наверняка и есть предатель.

– А как мы узнаем, что конверт вскрывали? – недоверчиво спросил Борис.

– Вот для этого нам и понадобится темнота. Когда я жил в Петербурге, в нашем доме на первом этаже была фотография Шумахера. Интересный тип был этот Шумахер, мастер своего дела! Всерьез утверждал, что с развитием фотографии искусство живописи отомрет. Зачем, дескать, писать портреты, когда можно сделать снимок. Дешевле – и сходство лучше. Так вот, он даже преподавал мне несколько уроков фотографического дела.

Говоря так, Горецкий подсыпал в тазик с водой порошок из одного пакетика, из другого, налил жидкость из склянки, перемешал все это лопаточкой, затем взял в руки один из пяти одинаковых конвертов из плотной серовато-желтой бумаги. В уголке конверта карандашом была написана маленькая буква «А».

– Вот конверт, который побывал в руках у полковника Азарова. – Горецкий осторожно вскрыл ножом край конверта и вытряхнул из него листок с убористым машинописным текстом, а также маленький квадратик плотной глянцевой бумаги.

– Вот это фальшивый приказ по армии, который надо было срочно передать полковнику Кузнецову, а это... – Горецкий аккуратно поднял пинцетом глянцевый квадратик, – это листок фотографической бумаги. Конверты сделаны очень плотными, не пропускающими свет, поэтому, если фотографическая бумага окажется засвеченной – значит, господин Азаров вскрывал пакет.

Горецкий осторожно опустил листок в воду с химикалиями и поболтал его пинцетом. Борис в волнении смотрел через его плечо. Ему никогда не приходилось видеть работу фотографа, и хотя теоретически он представлял себе, какие химические процессы сейчас происходят, действия Горецкого казались ему граничащими с колдовством.

Время шло, но в тазике ничего не происходило, бумага оставалась такой же светлой, как была. Горецкий скосил глаза на часы и произнес:

– Ну что ж, можно с уверенностью сказать, что полковник Азаров свой конверт не вскрывал.

– Да я примерно так и думал, – пробормотал Борис. – У полковника свои проблемы, но он не предатель.

Горецкий вынул бумагу из ванночки и бросил ее на стол. Затем взял второй конверт, на котором стояла пометка «М».

– Это конверт ротмистра Мальцева, – пояснил полковник и вскрыл конверт ножом. Он опустил квадратик фотографической бумаги в ванночку.

Борис с волнением наблюдал за происходящим. Время шло, но бумага, как и в первый раз, не изменила своего цвета.

Горецкий достал листок из проявителя и сказал:

– Мальцев тоже не вскрывал свой конверт.

Следующим был пакет Осоргина. Его листок также не изменил свой цвет в проявителе.

Вскрывая следующий конверт, на котором стояла буква «К» – Коновалов, Аркадий Петрович заметил в некотором смущении:

– Если все пять бумажек не изменят цвет, мы останемся там, где были: все пятеро офицеров остаются одинаково подозрительны. То, что никто из них не вскрыл конверт, не говорит нам ровно ни о чем, разве что об осторожности и подозрительности предателя. Наш эксперимент с фотобумагой может оказаться полезен только в том случае, если один из оставшихся листков будет засвечен.

С этими словами Горецкий опустил в ванночку листок штабс-капитана Коновалова.

Драматичность происходящего притупилась от повторения. Борис смотрел на проявляющуюся фотобумагу без прежнего интереса. У него шевельнулось даже смутное подозрение, что Горецкий устроил для него маленький спектакль, нарезав на пять кусочков лист обыкновенной плотной бумаги. Но он одернул себя, сообразив, что полковник Горецкий – человек серьезный, ему некогда забавляться. Время шло, четвертый листок тоже не хотел изменять свой цвет.

– Что ж, – Горецкий взял последний листок с буквой «Б» в уголке, – проверяем последнюю кандидатуру – есаула Бережного.

Борису окончательно надоели фотографические опыты полковника, он отвернулся от ванночки с проявителем, поэтому возглас Горецкого заставил его вздрогнуть:

– Смотрите, Борис Андреевич! Эксперимент увенчался успехом!

На глазах Бориса листок в ванночке постепенно темнел. Прошло полминуты, и из белой бумага превратилась в черную.

– Итак, – торжествующе произнес полковник, – итак, это есаул Бережной!

– Что же, вы его немедленно арестуете?

– Ни в коем случае! Он не может действовать в одиночку. У него наверняка есть сообщники, связные... Мы должны помочь контрразведке раскрыть всю сеть. За Бережным немедленно будет установлено наблюдение, очень осторожно, чтобы он, не дай Бог, ничего не заметил. Кроме того, нужно тщательно проверить прошлое есаула, его связи, послужной список... Должна же где-то крыться причина его предательства, должен быть мотив...

В доме на одной из главных улиц города Ценска, занимаемом контрразведкой, на рассвете было тихо. Дежурный офицер дремал за столом у телефонного аппарата. Солдат снаружи у входа палил закрывающиеся глаза. Внезапно послышался стук колес, фыркание лошади и грубый голос соскочившего с пролетки офицера:

– Почему на посту спишь, сволочь? Так у тебя всю контрразведку из-под носа уведут!

Солдат неразборчиво что-то забормотал, протопали сапоги, дверь распахнулась, и на пороге появился уса́тый подполковник.

– Сейчас срочно солдат и машину! – отрывисто приказал он. – Есть сведения, что в городе появился Блюмкин.

– Вы уверены, господин подполковник? – Дежурный офицер сбросил остатки предрассветного дремотного оцепенения и встрепенулся, как охотничий пес, почуявший свежий след.

– Сообщил один из моих лучших информаторов.

Дежурный офицер штабс-капитан Полуэкто́в поднял по тревоге всю подчиненную команду. Солдаты, стряхивая сон и передергивая затворы винтовок, погрузились в грузовик «фиат», и машина помчалась по улицам спящего Ценска. В этот предрассветный час страшный рев автомобильного мотора был слышен всему городу, поэтому Полуэкто́в приказал шоферу остановиться задолго до нужного места.

Штабс-капитан с отвращением покосился на свою команду. Сам он попал в контрразведку из пехоты, он был кадровым боевым офицером и поэтому сверху вниз смотрел на своих подчиненных, в основной массе бывших полицейских и жандармов. В глубине души он считал, что в военной контрразведке должны служить только настоящие кадровые военные, а весь этот полицейский сброд совершенно ни на что не годен.

Вот и сейчас его подчиненные пыхтели и топали, как стадо слонов, держались толпой, хотя он четко приказал им рассыпаться цепью... Обычных армейских команд они просто не понимали. Мало того, эти «контрразведчики» постоянно клацали затворами винтовок, словно старались произвести как можно больше шума.

«Как с такими людьми можно задержать террориста, да еще такого опытного, как Блюмкин? – думал Полуэкто́в, с тяжелым вздохом наблюдая за продвижением своего отряда. – Да они не то что Блюмкина, они весь город сейчас перебьют!»

Единственное, что успокаивало штабс-капитана, – это сильнейшие сомнения в достоверности полученной информации. В самом деле, что делать знаменитому эсеру, прославившемуся в свое время покушением на немецкого посла Мирбаха, позже работавшему в ЧК, – что делать этому человеку в Ценске? Конечно, здесь размещается в настоящее время штаб Добармии, но все высшее руководство Вооруженных сил Юга России, Особое совещание, Осваг и сам Антон Иванович Деникин – все находятся в Екатеринодаре.

Контрразведчики наконец подошли к дому, на который указал информатор. С грехом пополам Полуэктову удалось произвести оцепление здания, поставить своих людей у всех входов и выходов, у всех дверей и окон. Убедившись, что все входы перекрыты, штабс-капитан сильным ударом приклада вышиб дверь и ворвался в дом с яростным криком:

– Военная контрразведка! Всем оставаться на местах!

За спиной штабс-капитана стояли двое наиболее толковых его сотрудников. К своему ужасу, Полуэктов услышал, как один из них передергивает затвор винтовки.

«Вот ведь кретин! – подумал штабс-капитан. – Заранее не мог дослать патрон! Ведь всю дорогу только и щелкали затворами, а в критический момент он к стрельбе не готов! Из-за такого нас всех тут как баранов перестреляют!»

Однако опасения Полуэктова были напрасны. В комнате, на пороге которой он стоял с «маузером» в руках, спали на разнообразных матрасах, топчанах и лежанках многочисленные дети самых различных возрастов. От крика контрразведчика большая их часть проснулась, самые маленькие подняли рев, семи-восемилетние смотрели на военного с любопытством. Из всех углов сверкали черные блестящие глаза. Стрелять никто из них по-видимому не собирался.

Наконец среди всего этого детского дома Полуэктов разглядел одно взрослое лицо: на сундуке в углу лежала тощая старуха, совершенная ведьма по внешности. Поднявшись на локте, она уставилась на штабс-капитана тусклыми белесыми глазами, один из них был закрыт бельмом, и неожиданно гулким басом произнесла:

– Я так и знала!

Полуэктов и без того уверенный в том, что вызвали их зря, окончательно в этом удостоверился, но на всякий случай сурово гаркнул:

– Где Блюмкин?!

Старуха еще раз повторила с гораздо большим трагизмом в голосе:

– Я так и знала! Таки этот шлимазл влез в политику! – Затем она крикнула куда-то в глубину дома: – Исаак! Исаак! Ты таки доигрался! За тобой пришли из контрразведки!

Удивленный Полуэктов махнул рукой своим подручным и бросился к занавеске, закрывающей дверь в соседнюю комнату. Навстречу ему уже выходил тощий немолодой еврей в длинной рубахе и шлепанцах на босу ногу.

– Что такое? – уставился он на Полуэктова. – Что за содом творится у меня в доме? Кому понадобился таки Блюмкин?

– Блюмкин?! – переспросил штабс-капитан, начиная догадываться, что произошло. – Где Блюмкин?

– Ну я Блюмкин. А что вам нужно от Блюмкина?

– Это вы – Блюмкин? Вы хозяин дома?

– Ну я хозяин этого сумасшедшего дома. А что – это уже нельзя?

– А зовут вас как? – с подозрительной ноткой в голосе спросил Полуэктов.

– Исаак. – ответил хозяин. – А что – это тоже запрещается?

– А никакого другого Блюмкина здесь нет?

– Чего-чего, а этого добра здесь достаточно. Мотл, Хаим, Шлом...

– А Яков есть? – прервал Полуэктов хозяина, опасаясь, что тот будет перечислять до вечера.

– А как же! Есть и Яков, чтоб он был здоров! Эй, Яша, покажись!

Штабс-капитан обернулся, на всякий случай подняв «маузер», но на крик Исаака из-под кровати вылез шустрый чумазый мальчуган лет шести. Ковыряя пальцем в носу, он с любопытством уставился на военных.

– Вот он – Яков Блюмкин! – с заметной гордостью произнес Исаак.

– Это что – все ваши дети? – ужаснулся Полуэктов.

– А что – теперь уже и это нельзя?! – Теперь в голосе Исаака послышался настоящий ужас.

– Можно-можно, – отмахнулся Полуэктов. – А посторонних у вас в доме нет?

– Он сам ведет себя так, как будто он здесь посторонний! – пробасила старуха со своего сундука.

– Теща моя. – Исаак сделал такой жест, как будто представлял бразильского посланника президенту Эквадора. – Не обращайтесь внимания, она всегда говорит разные странные слова.

– Это ты сам, мишуген, говоришь странные слова, а я пока что из ума не выжила! – пробасила теща.

Штабс-капитан поморщился и повторил вопрос:

– Посторонних у вас в доме нет?

– Что вы, ваше благородие! Никак нет! Какие у нас в доме могут быть посторонние? Бедный портной, его жена с мамашей и немножечко детей – вот и все! Какие посторонние? Упаси Боже!

И в это время над головой у них раздался выстрел.

– Что?! Что такое?! – вскрикнул Полуэктов. – Кто у вас там? А вы говорите – нет посторонних! Быстро, наверх! – махнул он рукой своим помощникам, а потом схватил тщедушного портного за ворот рубахи. – Ты, скотина, ты что же это творишь? Ты ведь сказал – никого нет?

– Посторонних нет, – жалобно запричитал Исаак, – а наверху у нас квартирует господин офицер, так разве же я могу господина офицера считать посторонним? Да уж это скорее я сам в своем доме посторонний, как выразилась эта грубая женщина, моя, извиняюсь, теща, чем господин офицер! Ваше благородие, очень вас умоляю, пустите ворот, а то вы меня скоро совсем задушите!

Штабс-капитан Полуэктов опомнился. Он отпустил Исаака, несколько раз глубоко вздохнул и, покосившись на бесчисленных Блюмкиных, пошел наверх следом за своими подчиненными.

На втором этаже было чище и просторнее, чем внизу. Расторопные контрразведчики уже ворвались в комнату, дверь была широко распахнута, и штабс-капитан Полуэктов увидел сидящего за столом человека, только внимательно присмотревшись, он понял, что человек этот мертв. В руке его был пистолет, хорошее немецкое оружие. Висок прострелен, крови было немного.

Один из подчиненных повернулся к Полуэктову и проговорил сиплым голосом:

– Разрешите доложить, как есть они застрелившись! Аккурат, когда мы внизу стояли!

– Да уж, – произнес штабс-капитан растерянно. Он обошел комнату, машинально отметил обстановку, брал что-то в руки и ставил обратно. В комнате были два окна, оба закрыты. Полуэктов выглянул на улицу. Внизу стоял унтер из его команды. Услышав скрип отворяемой створки окна, унтер посмотрел наверх и, встретившись взглядом с Полуэктовым, успокоенно отвернулся.

«Самоубийство, – думал Полуэктов. – Что я ищу? Обычное самоубийство. Здесь больше никого не было, иначе как бы он ушел? Окна закрыты, внизу – мои люди. Пистолет – вот он пистолет, в руке трупа. Чего мне еще надо? Почему он застрелился именно сейчас, когда мы находились в доме? Да кто же его знает почему. Так его судьба сложилась. Да нет, самое обык-

новенное самоубийство. Такими делами контрразведка не занимается, это работа полиции, а у меня и своих забот хватает, нечего даже раздумывать на эту тему».

Тем не менее, сам не зная почему, Полуэктов внимательно рассмотрел края раны на виске мертвого офицера, отметил про себя их слегка опаленную порохом поверхность, внимательно обследовал ствол пистолета, проверил патроны в магазине. Все было совершенно обычно, с ума от безделья сходят господа офицеры, меньше отдыхать им давать нужно, всех на фронт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.